

КОЛЛЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Татьяна Хамаганова

*Русский
характер*

Коллекция современной прозы

Татьяна Хамаганова

Русский характер

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хамаганова Т. Б.

Русский характер / Т. Б. Хамаганова — «ИП Березина Г.Н.»,
2021 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907395-01-5

В книгу бурятского писателя вошли рассказы о русской деревне, с целой галереей образов русского характера. Серьезные и смешные, наивные и добрые, чудные и непутевые, мечтательные и деятельные. Все они – очень живые и естественные. Множество диалогов, переданных ярким народным языком, позволяет читателю остро почувствовать эмоции персонажей. Издание адресовано почитателям русской прозы всех возрастов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-01-5

© Хамаганова Т. Б., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Об авторе	5
Акимыч	6
Бабушкин абажур	13
Бизнесмен Икар	19
В жизни всему уделяется место	22
Ветер свободы	27
Деревенская кадрили	34
Есть только миг	43
Замысел старика Максима	49
Кастинг	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Татьяна Хамаганова

Русский характер

Об авторе

Татьяна Бальжинимаевна Хамаганова, бурятка, проживает в г. Улан-Удэ Республики Бурятия Дальневосточного региона. Она – телевизионный режиссер, член Союза журналистов России, Гильдии межэтнической журналистики России, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член Интернационального Союза писателей.

В 2001 г. ее авторский телефильм «Во глубине Сибири» на конкурсе в Париже, объявленном ЮНЕСКО (ООН), стал поводом признания этнокультуры старообрядцев (семейских) Бурятии «Шедевром духовного и нематериального наследия человечества». Лауреат премии Союза журналистов России, лауреат и дипломант многих международных, российских и республиканских конкурсов и телефестивалей. Заслуженный работник культуры Республики Бурятия, входит в «Золотой фонд женщин Сибири».

Татьяна пишет на двух языках: русском и бурятском. В своих произведениях автор утверждает, что не бывает безвыходных ситуаций, если есть у человека доброта, любовь, всепрощение и его никогда не покидает чувство юмора.

АКИМЫЧ

– Перекур, ребята! – зычным голосом крикнул наш бригадир.

Ребята – это мужики, из которых самому юному далеко за сорок. Они побросали вилы и степенно направились в домик на курьих ножках. Хотя солнце не жалело лучей, на улице стоял ядреный мороз, отчего снег блестел так, что глазам больно глядеть на него. Степь, лысые холмы, горы вдалеке белели и сверкали первозданной чистотой. На душе от этой красоты было покойно и хорошо.

Вру, самый молодой – это я, студент сельскохозяйственной академии, а мужики – местные дядьки. Закинуло меня сюда на практику потому, что учусь на зоотехника. Многие мои однокурсники разъехались на каникулы по домам, чтобы двух зайцев убить: погужеваться у родителей под боком и будто практику пройти там же. Понятное дело, что справку о прохождении практики возьмут у директора местного СПК или у фермера какого-нибудь – и все дела. А я городской. Родители живут там же, где моя альма матер, хуже того, почти рядом, через одну остановку. Сами понимаете, став студентом после школы, я ничего не поменял, кроме системы обучения. Вот и решил жизнь разнообразить. Еле уговорил родителей отпустить меня на вольные хлеба.

В этой деревне под названием Черемшанка оказался абсолютно случайно. А дело было так. Собрал, значит, я свой рюкзак. Получился он довольно увесистым, хотя положил самые необходимые вещи и, твердо пообещав родичам, что позвоню, как только окажусь на месте, пошел на автовокзал.

Для себя решил: сяду на первый же маршрутный автобус и уеду куда глаза глядят, авось, куда-нибудь прибуду, везде люди-человеки, не на остров необитаемый закинут. Приехав на вокзал, увидел множество больших автобусов и еще больше маршрутных микроавтобусов, или, как в народе называют их, «микриков». Глаза разбежались. Стою и думаю, на какой бы сесть. А частники зазывают пассажиров, обещая фантастическую скорость и в то же время абсолютную безопасность.

– Посторонись! Чего на дороге встал, столбняк нашел? – веселый мужичонка, увешанный, как ишак, сумками разного калибра, промчался мимо меня и исчез в недрах здания вокзала. Я решил последовать за ним. В просторном зале было немногочленно и оттого гулко. В ряд выстроились окошки с надписью «Касса». Возле каждого окошечка толпился народ в три-пять человек. Мужичок для чего-то быстро обежал все кассы, потом вернулся к первой и успокоился так же внезапно, как и появился. Я пристроился за ним. Минуты через три он резко обернулся ко мне и спросил:

– Куды едешь, парень?

– Туда же, куда и вы, – ляпнул от неожиданности я.

– Откель знаешь, куды я еду? – осклабился тот.

– Ну, так решил, – более уверенно ответил я.

– Случаем ты не террорист? – доверительным шепотом спросил он.

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Не для чего, чего иного, как прочего другого, – пропел мужик.

– Не понял чего-то, – насторожился я.

– Не для чего, чего иного, прочего другого, а для единого единства и дружного компанства, – хлопнул он меня по плечу.

– А куда вы едете? – решил я вернуть мужика к понятному языку.

– Не кудыкай, дороги не будет! – вдруг обиженно промолвил тот. – В Черемшанку, куда ж боле? Дом-то мой тама!

– И я в Черемшанку, – обрадовался я.

– Ну, тады надо познакомиться, – подал руку мужик. – Как тебя кличут-то? Чегой-то я запомнил.

– Алексей я, – пожал руку ему.

– Алёша – три гроша, шейка – копейка, алтын – голова, по три денежки – нога: вот и вся ему цена, – засмеялся тот.

– А вас как зовут? – я уже не обижался на него. Понял, что по-другому он не умеет общаться.

– Какой хитрый малец, все ему подавай с разбегу! И вправду диверсант засланный, – прищурился, вдруг промолвил он.

«Да, с таким не заскучаешь», – подумал я про себя, удивляясь его нелогичной эмоции. Вслух сказал:

– Не хотите говорить, и не надо, сами пожелали познакомиться.

– Авось да небось, да как-нибудь, – ухмыльнулся мужик. – Акимыч я! Годится?

– Годится.

– То-то же! Еще бы не годился! – хохотнул Акимыч. – Слышь, Лёха, а чего к нам надумал? У нас ведь, кроме хромой коровы, тощего кабана со свиным рылом да двух курей без петуха, больше нету ничего.

– Я не лично к вам еду, а в вашу деревню, – растерялся я.

– Кабы знать да ведать, где ныне обедать, – сказал мужик.

Тут и очередь наша подошла к кассе. Мы без приключений купили билеты до загадочного села Черемшанка и вышли на улицу. К моему великому удивлению, площадь перед зданием вокзала была уже изрядно набита народом. С узелками, чемоданами, сумками люди озабоченно сновали туда-сюда в полном беспорядке, по одной им известной траектории.

– Вперед, Лёха, на поиски машины! – бросил клич Акимыч и исчез в толпе. Меня тоже охватила непонятная тревога, и я ринулся за ним, зажав в руке вождеденный билет.

Акимыч чувствовал себя в толпе как рыба в воде, пролезал со своим грузом в любую «щель». Мне пришлось порядочно поработать локтями, чтобы не отстать от него. Как всегда, неожиданно тормознул он возле невзрачного автобуса.

– Вот и наш «мерседес», – сказал он, удовлетворенно потирая рукой вспотевший лоб. – Отдышись, парень, посадка ишо не началась. Счас подойдет крикливая бабенка и начнет всех сажать на длительный срок.

– По какой статье? – спросил я, оценив его шутку.

– Не каркай! – зыркнул в мою сторону Акимыч и сплюнул сквозь зубы.

Не успели докурить по сигаретке, как появилась дородная женщина в ярко-красной куртке и зычным голосом объявила посадку. Акимыч мой вмиг оказался возле дверей и первым протянул билет.

– Не суетись, мужик, народу тоже ехать надо, не тебе одному! – гаркнула кондукторша, вытаскивая из кармана мятый листок.

– Я тоже в какой-то степени народ! – парировал в ответ Акимыч.

– Багаж взад! – скомандовала баба.

– В чей? – хихикнул кто-то из толпы.

– Проходи! – наконец-то дала отмашку она, демонстративно не обращая внимания на каверзный вопрос. – Багаж взад, передний проход не загоразивать!

– Да понял уже! – пробурчал мужик, втискиваясь с сумками в узкую дверь.

Наконец-то все утряслось, все уселись на свои места согласно купленным билетам. Оказалось народу не так уж и много, чуть больше половины автобуса. А шуму-то было!

Так и очутился я в деревне Черемшанка, в 124 километрах от города. Как только тронулся автобус, Акимыч уселся поудобнее и дал такого храпака, что перебивал шум мотора. Благо свободные места были в салоне, и мне пришлось быстренько пересесть подальше от него. Води-

тель за все время езды сделал одну остановку для отдыха. Акимыч тут же проснулся, выскочил справить нужду, обратно залез в автобус, подмигнул мне заговорщицки и опять захрапел. Ни колдобины на дорогах, ни лихие повороты – ничто не мешало ему спать. Проснулся аккуратно перед въездом в село.

– Лёха, на выход! – крикнул он бодреньким голосом и, ловко побросав на себя все сумки, вывалился из машины. Я последовал за ним.

– Где б ни жить, только б сыту быть, – сказал Акимыч и повел меня к себе домой.

Вот теперь уже недельку живу у него. Хозяйство у Акимыча крепкое: три коровы, несколько чушек, как называла свиней хозяйка, полный курятник кур, штук двадцать овец, одна лошадь с жеребенком, огромный огород, полный сарай дров, баня – в общем, всего вдоволь, что так необходимо в деревенском житье-бытье. А самое главное – жена, тихая женщина, полный антипод Акимычу, встретила меня так, будто давно ждала. Чему я очень удивился. Звали ее Наталья.

– Лёха, а чего ты за мной увязался, обскажи правду? – попросил за ужином Акимыч.

– Хочу жизнь деревенскую посмотреть.

– Пощупать, так сказать, изнутри, – шумно жуя, сказал одобрительно хозяин.

– Практика у меня. Надо справку получить.

– Где уму-разуму набираешься? В каком, так сказать, заведении?

– На зоотехника учусь, – сказал я, уплетая вкусный ужин за обе щеки.

– Одобряю, конкретно одобряю. Хорошее дело – с животиной работать. Это лучшей, чем с людьми. Скотина, она хоть и бессловесная, но миролюбивая и любвеобильная. Ты к ней со всей душой, она к тебе так же. Преданными глазами смотрит, мол, не обижай меня, мил человек, покорми, напои, а я тебе в ответ и молочка, и яичек, и мясца. Вот оно как. И у курицы сердце есть.

– В людском коллективе работать сложнее, думаешь, Акимыч?

– А как же! Лавировать надо! Горьким быть – расплюют, сладким быть – проглотят. Каждый сам себе хитрован, так и норовит как-нибудь обойти тебя на повороте али столкнуть на обочину жизни. Я на своем веку перевидал людей разного калибра, с одного взгляду могу определить, кто есть кто.

– Добрых-то больше, – заметила тетка Наталья.

– Согласен, разве я против? Вот ты, Лёха, простоват малость, потому и специальность по характеру избрал, но благородную. Молоток! Уважаю. Можешь у меня жить сколь душе угодно и проходить эту свою практику. И я подмогну где чё.

– Спасибо, Акимыч, – обрадовался я. – Поможешь мне устроиться?

– Завтрева в контору пойдем. Председатель наш Николай Николаич колхоз-то сумел сохранить в тяжелую годину перестроечную, за что ему поклон до небес, то исть до земли. Раньше пять сел объединял колхоз, теперича – четыре. Калиновка отделилась от нас, потом-то спохватилась да давай обратно проситься, когда их попржижала судьбинка. Но наш Николаич – человек суровый, ни в какую, мол, сами захотели отдельно жировать, вот и продолжайте в том же духе. Сказал как узлом завязал, и баста! Вот он у нас каков!

– Глядя на твое подворье, подумал, что ты единоличник, – удивился я.

– Живем по принципу: что всем, то и одному. Кошкам по ложкам, собакам по крошкам, нам по лепешкам. Нонче как? Ежели человек хоть одним пальцем и извилиной пошевелит, с голодухи не помрет, особенно в деревне. Земля-матушка завсегда прокормит. Главню дело – с ленью не дружить, а то она может заморить вусмерть.

– Хороший у нас председатель, – подала голос жена Акимыча.

– Все каким-нибудь образом вовлечены в дело и работают со страстью и прилежанием, как пчелы, – напыщенно сказал хозяин. – Одно тока беспокоит, что дальше будет, двадцать первый век уперся в бок.

– Попробуй не работать у Николаича – вмиг окажешься не у дел, – тихо сказала Наталья.

Акимыч меня устроил на ферму. Понятно, что по приказу председателя. Тот обрадовался моему появлению, но постарался виду не показать. С прищуром посмотрел на меня оценивающе с головы до ног и отправил к дояркам. Началась веселая жизнь. Надо заметить, что у Акимыча с председателем отношения оказались далеко не идеальные. Я сразу сообразил, что из-за его характера и поступков, не поддающихся логике. Так и оказалось. Короче, он ставил интересы своего подворья выше интересов колхоза и с азартом доказывал, что человек может хорошо работать на общество только в том случае, если у него дома порядок, то есть тылы обеспечены.

Может, в этом и есть сермяжная правда? А многие его не понимали и за глаза называли кулаком недобитым. Но председатель его за что-то уважал и из колхоза не выгонял. Потом я понял, за что. Он работу делал не абы как, а обязательно с выдумкой, смекалисто и с усердием.

Сейчас я со скотниками на дальней заимке сено грузу для фермы. Мы приехали на трех мускулистых, низкорослых лошадях, запряженных в широкие сани.

– Студент, чего задумался? Бросай струмент, иди почайпить! Животы к спине уже прилипли! – крикнул веселый дядя Федя, догоняя своих.

– Иду! – ответил я.

До чего же хорошо дышится в степи, несмотря на мороз. Простор – глаз радует... Город, телевизор с бесконечными новостями как с поля битвы, политики, ораторы, шашни стареющих звезд, их агонизирующие прыгалки-дрыгалки – все это бесполезная суета. Настоящая жизнь здесь, с ее спокойной мудростью.

В избушке было довольно тепло. С рассветом, как прибыли на место, мужики сразу протопили печь и на протяжении всего времени кто-нибудь да поддерживал огонь. Закипел пузатый зеленый чайник. Вы когда-нибудь пили густой ароматный чай после здоровой работы на морозе в минус под тридцать градусов? Ели домашний хлеб, испеченный в русской печи, с розовым замерзшим салом, крутыми яйцами, щедро посыпанными солью, заедая злым репчатым луком? О, это что-то! Я так жевал, что в ушах хрустело. Мужики, похохатывая друг над дружкой и особенно надо мной, выпили напоследок еще по кружке раскаленного чая и пошли догружать третьи сани.

На ферме меня сразу окрестили женишком. Там работали двенадцать разновозрастных доярок, половина которых были одинокие женщины. Мое появление вызвало среди них веселый переполох. Работа моя заключалась в «подай-принеси». А бабы старались изо всех сил лишний раз меня погонять, поэтому к концу дня я сильно устал. Дома, поев кое-как, валился замертво на кровать.

– Лёха, на тебя шибко моя племянка Анька поглядывает, – как всегда, внезапно, без вступления сказал за ужином Акимыч. Племянница, пышногрудая девица с характером командира партизанского отряда времен Дениса Давыдова, работала там же, на ферме. Она в любые морозы носила футболки с глубоким декольте и короткими рукавами. Халат, надетый на телогрейку, никогда не застегивала, как, впрочем, и телогрейку. Алёша всегда отворачивался, боясь, как бы груди не вывалились из одежек, когда она наклонялась к коровьим сиськам. Анька, святая простота, видимо, решила, что парню она шибко понравилась, раз он так смущается при встрече, и стала частенько заглядывать к дядьке по поводу и без повода.

– Окстись, об чем ты? – укоризненно попыталась осадить его Наталья.

– А чего она каждый день к нам прибегать стала? – не унимался тот.

– Мало ли чего? – Наталья встала из-за стола, показывая, что разговор на эту тему закончен. – Помолчи уж...

– Девка ниче, така красава, что в окно глянет – конь прынет, на двор выйдет – три дня собаки лают, – хохотнул Акимыч. – Тебе-то как она? Глянется, нет?

– Нормальная девчонка, – сказал я, уплетая пирог с омулем. Тетка Наталья баловала нас по вечерам всякими разносолами и деликатесами.

– Нормы-альная, – передразнил меня Акимыч. – И что вы за народ такой? На все у вас один ответ: нормально. Что это за слово такое? Серое, некусное, никакое... Не поймешь, хорошо это али плохо. Жизнь – она разноцветная должна быть, понимаешь, нет? Рыбам – вода, птицам – воздух, а людям – вся земля! Вся земля! А где ты видел землю серую? Она же из разных красок состоит, не обращал внимания разе ж? Глаза-то разуйте, молодежь!

– Ну, разошелся. Дай человеку нормально поесть, – подливая ему чай, сказала Наталья. – Эко ты болтун.

– Едрит твою в корешок! Эта тоже туды же – «нормально»! – воскликнул Акимыч. – Еда может быть вкусной или невкусной, всякой, понимаете? Всякой: сладкой, горькой, соленой, приторной, острой, пресной, жидкой, густой. А у вас на все одно слово – «нормально». Рот, что скребок, все подберет, так, что ли? – совсем разволновался хозяин.

– Акимыч, успокойся. В данный момент в мои планы не входит женитьба. Молодой еще. Институт надо окончить, деньги заработать на квартиру.

– Анька – девка работающая, зря отказываешься. За ей как за пазухой пуховой жить будешь. У ей и родичи крепкие. Они каку хошь квартиру в городе купят, только свистни. Засиделась она в девках, почитай, уже годков двадцать-то есть, а, мать? – обернулся к жене он, резко успокоившись.

– Молода ишо. Найдет себе жениха, не приставай к парню.

– Лёха, заметано. Буду тебя сватать к ей! – закусил удила Акимыч. – У парня – догадка, у девки – смысл. Седни – четверг, зараз в субботу после баньки и пойдем с тобой свататься к ейным родителям.

– Акимыч, ты что, шутишь? – испугался я.

– Не приесться хороший кусок, не прискучит хороший дружок. Не бойсь, уедешь в свой город с невестушкой, родичей порадуешь. Думаю, они довольны будут. Чего тебе холостым ошиваться, им головную боль доставлять, а тут все под присмотром. Анька, знаешь, какая! Ух! Ручонки-то крепкие у ей, схватит – не отпустит. Наша порода, скажи, Наталья? – потирая руки, подмигнул мне мужик. – Опять же, сколь тебе придется пахать на кров свой да на четыре колеса? Почитай, всю свою молодую жизнь! А тут тебе на блюдечке с голубой каемочкой и дом, и машина иномарчатая зараз! Дело говорю? То-то! Повезло тебе, Алёша – три гроша, что встретился на твоём пути Акимыч, а? Вовремя ты со своим рюкзачком из дому вывалился. Судьба!

Вечер переставал быть томным. Из-за горизонта выползала огромная темная туча, угрожая накрыть мою свободу черным одеялом. Зная неумный характер Акимыча и его упертое нутро, я сделал для себя вывод, что это не шуточки, а все даже очень серьезно. Мужик «из принцыпу», из вредности, за то, что я оказал сопротивление, потащит меня свататься.

И черт его знает, что за родители у этой Аньки, может, еще похлеще Акимыча в смысле упертости, захопнут меня в капкан, как несмышленого воробышка, и штамп в сельсовете шмякнут в паспорте, а потом доказывай, что ты не козел. Надо рвать когти отсюда, чем быстрее, тем лучше, кончились райские кущи. До субботы успеть справку получить у председателя – и на трассу! Всего один день остается. Если не успею со справкой, то придется плюнуть на нее и мухой – из замечательного села Черемшанка, решил я, уже засыпая.

Назавтра события понеслись со скоростью ракеты. Ночью, видимо, Акимыч все обдумал и начал действовать по программе.

– Лёха, пойдешь на свою ферму, зараз к Аньке не приставай, так сказать, с предложением руки и сердца. Мы с тобой, как положено, сначала попросим милости у ейного отца, чтоб все чин чинарем было. Знаешь, как это их порадует? Мы ж семейские, другой закалки люди.

Порядок и подчинение любим, хотя все изменилось в худшую сторону в наше беспокойное время. Да ладно, чего об том горевать?

– Акимыч, такой юмор с утра у тебя? – попытался я все же убедиться, что он шутит, дразнится. Но не тут-то было, Акимыч рассердился.

– Парень, я серьезен как никады! Ты думаешь, я не видел, как на ферме с Анькой нашей тары-бары разводил? Видел я! Все видели! Не отвертисся! Стерпится – слюбится, главное дело – ты нам пондравился, да и Анька наша, похоже, втюрилась в тебя. Хмелинушка тычинку ищет, а девица – парня. Лёха, не бойсь, в хорошие руки отдаю. Я ж отвечаю за тебя, дуболома, раз в нашу Черемшанку припер с голубого глаза, – Акимыч похлопал меня по плечу по-родственному.

Этот разговор окончательно укрепил меня в мыслях, что нужно действовать. Я не стал ответную речь держать: мол, на девственность вашей дорогой Аннушки не покушался, даже мысли такой не держал, а ее кустодиевская красота никак не очаровала меня, и вообще девушка пусть живет отдельно. Весь этот пламенный монолог я высказал про себя, а ему просто кивнул и, едва одевшись, выскочил из дому. Первым делом помчался в контору. На мое счастье, председатель сидел в своем кабинете и благим матом орал в телефонную трубку. Увидев меня, жестом указал на стул, ничуть не сбавляя уровень звука и матерщинный настрой. Я думал, что все ругательства на русском языке знаю, но такую витиеватость для связки слов в первый раз услышал. Даже заслушался, пожалел, что не филолог. Можно было диссертацию защитить на его основе. Наконец-то он хлопнул трубкой, кладя ее на место, вытер пот и уставился на меня:

– Ну?!

– Здравсте, Николай Николаевич! Мне это... справка нужна, что практику у вас прошел.

– Ты чего, собрался уезжать? – нахмурил брови он.

– Учеба скоро начнется, – струхнул я.

– А... что ж, надо учиться. Иди в бухгалтерию, получи денежки, и справку там же сообразят. Я скажу им.

– Спасибо, – заулыбался я.

– Иди уже! Некогда мне с тобой целоваться! – гаркнул он.

– До свиданья! – выскочил скорехонько я из кабинета и помчался в бухгалтерию. Хмурый бухгалтер неопределенного возраста, ничего не говоря, выписал справку, шлепнул печать и отправил меня в кассу получить денежки. К моему приятному удивлению, выдали мне довольно неплохую сумму: одну тысячу триста четыре рубля и двадцать три копейки. Уж каким образом заработал эти двадцать три копейки, не знаю, но и на том спасибо. Я даже не ожидал, что деньги дадут, обычно практикантам не платят. У меня заметно выровнялось настроение, и я помчался обратно за рюкзаком.

По моим расчетам, Акимыч должен быть на работе, а тетка Наталья поймет и возражать против моего бегства не станет.

Я тихо вошел в дом. Хозяйка, как всегда, колдовала у плиты. Вкусно пахло щами.

– Тетя Наталья, – сказал я, – простите меня, я уезжаю!

– Счастливого пути, – улыбнулась она, с ходу поняв, в чем дело. – Я сейчас тебя покормлю.

Минут через сорок пять должен из района автобус проехать. Как раз успеешь на него.

Я с удовольствием поел в последний раз ее щей, закусывая вчерашним пирогом, попил чаю с деревенским молоком и плюшками.

– Ты прости Акимыча, – как всегда, тихо сказала она, – ударит моча в голову, и с пути его не свернешь. Упертый.

– Не хочу я жениться ни на Аньке, ни на ком, понимаете? – сказал я. – А за хлеб-соль спасибо большое. Все равно я рад, что с вами познакомился.

– Может, когда и свидимся, – улыбнулась хозяйка. – Ты приезжай летом, отдохнешь у нас. Здесь что твой санаторий, даже воздух целебный, по грибы-ягоды ходим, рыбку половишь в нашей речке, купаешься, позагораешь. Летом у нас хорошо...

– А чего, возьму и приеду, – обрадовался я, потому что жалко было расставаться с ними.

Я уже как-то привык к этой семье, непредсказуемому Акимычу, шумным дояркам, их буренкам и деревне Черемшанке. Пока готовил рюкзак, тетка Наталья собрала мне целый пакет деревенских яств. Тепло попрощавшись с ней, я ушел на трассу. Так закончилась моя деревенская практика. Гнездо цело, а птица улетела!

Бабушкин абажур

Он третий день бродил по бесконечным улицам большого города, не замечая ни прохожих, ни машин, и чувствовал себя бесконечно одиноким. Все было кончено. Пусто на душе. Неделю тому назад Володя рвался в этот город. Он грезил им, мечтал, как будет ходить по широким проспектам, стоять у величественных фонтанов, отдыхать в тенистых парках, бродить по ночным улицам, любуясь игрой разноцветных огней, а рядом будет Она, его Богиня судьбы.

Володя познакомился с ней прошлым летом на Байкале. Поселок на берегу озера, где он жил, привлекал путешественников со всех концов света. Она приехала с небольшой группой туристов из Франции. Тоненькая, как стебелек василька, одетая во что-то невообразимо восхитительное, струящееся и переливающееся при каждом ее движении, она ни на секунду не стояла на месте. Володя в толпе заметил ее сразу. Эти удивительные глаза цвета моря! Воды Байкала в ясную погоду обретают такую же синеватую голубизну. Она о чем-то живо беседовала с иностранцами, что-то объясняла, показывала. Парень восхищенно смотрел на нее. Она ему улыбнулась, из ее глаз брызнули синие искорки. Возможно, это звучит банально, но он готов поклясться чем угодно: это были искорки как звездочки, синие-синие. Эти искорки рикошетом ударили Володю в самое сердце, и с той поры он заболел опасной болезнью, диагноз которой – любовь.

Неделя пролетела как один день. Днем она без усталости работала с дотошными, любопытными туристами, а вечера проводила с ним, скромным сельским учителем словесности. Они бродили по берегу озера-моря, любуясь закатами. Закаты на Байкале – это восьмое чудо света. Они редко повторяются. Художники, очарованные великолепным творением природы, пытаются перенести их на полотна, но тщетно.

Володя не видел ни одной картины, достоверно передающей все богатство палитры. Да и возможно ли человеку тягаться с природой? Разве можно передать тончайшую игру красок цветочного луга, переливы волн, с нежным шелестом набегающих на песчаный берег, благоуханье воздуха, аромат свежего ветра.

Семь вечеров – семь неповторяющихся восхитительных закатов от нежно-алого до густозолотого. Они не целовались на фоне заката. Нет! Как можно? Володя боялся даже дотронуться до нее. Она для него была нереальным, неземным существом, чудесной мечтой. Даже имя ее звучало дивно: Лира. Он рассказывал ей легенды о священном Байкале, был остроумен, красноречив. Лира с удовольствием его слушала, смеялась, без конца задавала вопросы. Девушке было интересно с ним. Им не было скучно на пустынном берегу. Жаркий шепот любви, трепетные прикосновения, вздохи под луной приходили Володе только в тревожных, неясных снах.

А на завтра она удивляла своих туристов прекрасными легендами и мифами о Байкале. Они восхищались и аплодировали ей, целовали ручки, дарили сувениры. И вот наступил день, когда Лира, весело помахав букетом цветом, умчалась на электричке в Улан-Удэ с шумной делегацией, чтобы оттуда улететь на самолете в далекую столицу родины. Володя остался на перроне с клочком драгоценной бумажки с впопыхах нацарапанным адресом.

Можно было бы на этом поставить точку, но он и мысли не допускал, что так может закончиться роман, даже не начавшись. Володя стал писать письма. Можно было общаться и по Интернету, как это делает почти весь мир, благо Лира оставила и свой имейл, но он не мог о своих чувствах говорить казенными буквами, набранными на бездушной клавиатуре. О любви можно говорить только в письме, написанном своей рукой, считал Володя. Каждая буква, каждое слово его дышали, трепетали, изнемогали от нежности. Он посвящал своей любимой целые поэмы. И летели письма в далекий город больших огней. А Лира из-за постоянных командировок и разъездов не могла отвечать на них. Летала то в Прагу, то в Париж...

Переводчицы везде востребованы. Иногда Володя получал открытки с тремя предложениями, написанными второпях: мол, спасибо, получила письмо, очень рада. Тогда наступал для него праздник. Он жил мыслью съездить к ней летом, и вот наконец прибыл в город своей мечты.

Набрав номер ее телефона, он сказал:

– Я приехал, любимая!

– Сейчас выйду, – ответил на том конце провода испуганно-тревожный голос.

И они встретились. Лира совсем не была похожа на ту веселую девушку, с которой можно было говорить обо всем на свете. Володя лучился счастьем, а она почему-то прятала синие искорки своих глаз.

– Пойдем на набережную, – хмуро сказала она.

– Конечно, любимая, – прошептал он.

Прохладой повеяло с реки. Волны легонько бились о гранитные плиты и совсем не походили на прозрачные, чистые воды Байкала. Остановились у парапета.

– Я недостойна твоей любви! – отрывисто бросила Лира, не глядя на него.

Володя хотел возразить, но она жестом остановила его и... заплакала. У него заныло сердце, предчувствуя беду.

– Лира, у тебя есть кто-то другой? – робко спросил он.

– Да. Я его очень люблю, очень. Но он ко мне равнодушен.

– А почему ты об этом не сообщила мне?

– Прости меня, я гадкий человек. Мне стыдно.

– Что бы ты ни сказала, я тебя ни в чем не виню. Не надо просить прощение.

– Ты так здорово писал о любви...

– Я чувствовал...

– Мне нужны были твои письма.

– Я счастлив.

– Нет, не в том смысле. Понимаешь, я не умею излагать свои чувства так, как делаешь это ты. Вот и переписывала твои письма.

– Зачем? – удивился Володя.

– Отправляла своему парню.

– Но ведь это были мои чувства, – Володе стало совсем плохо. Он почувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Не хватало воздуха.

– Ты простишь меня? Мы с тобой останемся друзьями, да? Ты мне будешь писать? Я уже привыкла к твоим письмам, – пробормотала Лира.

– Я все понял, только писать больше не буду, прости...

Лира опять тихо заплакала. Володя погладил ее по волосам. Он впервые прикоснулся к ней. Как он мечтал об этом! Но все получилось по-другому, неправильно, не так, как должно было быть.

– Кто он? Хотя какое это имеет значение, – вздохнул Володя.

– Он художник. Очень талантливый человек. У него уже была персональная выставка. Потом его пригласили участвовать в вернисаже во Франции. Я была переводчицей, там мы и познакомились.

– Париж, вернисаж, выставки... Ладно, прощай! Будь счастлива со своим художником. Он тебя обязательно полюбит. – Кивнув, Володя не оглядываясь, удалился прочь. Лира не стала его окликать.

Он не мог сразу уехать домой. От тоски и одиночества Володя умер бы там. Надо как-то отвлечься, но как уйдешь от самого себя. Вот и бродил он по городу третий день. Шел, и все.

Свернув за угол, Володя наткнулся на старушку, которая пыталась перейти дорогу. В руке она держала тяжелую сумку.

Он молча взял ее ношу и повел на другую сторону проулка. Бабушка благодарно кивнула ему и сказала:

– Сынок, о ком ты горюешь, не стоит того. Твоя судьба впереди. А что было, то быльем поросло.

И ушла. Исчезла, будто ее и не было. А может, на самом деле ему почудилось? Но слова были. Странная старушка.

Вдруг на него навалилась безмерная усталость. Захотелось отдохнуть. Пришлось пройти целый квартал, чтобы присесть где-то. Сев на скамейку, он незаметно для себя задремал. Когда очнулся, город утопал в сумерках. То там, то здесь зажигались огни. Но ему торопиться некуда. Володя стал загадывать, в каком окне сейчас вспыхнет свет в доме напротив. Часто попадал в точку, это его забавляло. Только два окна на первом этаже с завидным постоянством подводили его. Он, почувствовавший себя всеильным чародеем, по мановению палочки которого вспыхивали разноцветные огоньки, вновь и вновь возвращался к этим окнам. Но те упрямо молчали. Володя посмотрел на часы. Было уже достаточно поздно. «Пора бы уже кому-то вернуться домой», – с досадой подумал он. А хозяева не спешили под свой кров. Парень шутки ради решил загадать: если через пятнадцать минут в окнах зажжется свет, он пойдет и постучится в дверь, посмотрит на хозяев, извинится и уйдет.

О чудо, через положенное время одно окно засветилось ровным оранжевым светом. Володя даже почувствовал тепло, исходящее от него.

– Надо идти, раз загадал, – вслух произнес он.

Окно продолжало зазывно источать приятный свет.

– Надо, Федя, надо! – скомандовал себе парень и, поднявшись со скамьи, решительно зашагал к дому.

Вычислить дверь квартиры не стоило труда. При входе в подъезд его одолели сомнения, стоит ли, ведь люди пришли домой, уставшие после трудового дня... Но он не успел додумать мысль, как его рука предательски нажала на кнопку звонка. Пути отступления были закрыты, несолидно теперь убежать, как нашкодивший пацаненок.

Послышались легкие шаги, и дверь сразу отворилась. На пороге стояла молодая женщина в светлом халатике.

– Вы к кому?

Вместо того чтобы извиниться и уйти, мол, ошибся номером, Володя неожиданно для себя выпалил:

– Я очень голоден, можно чашечку горячего чая?

Почему-то совсем не удивившись неожиданному заявлению незнакомца, хозяйка коротко ответила:

– Заходите!

Володя от неловкости замялся в дверях.

– Ну что вы стоите? Проходите в дом. Я сейчас приготовлю ужин.

– Мне, право, очень неудобно. Простите, я пойду.

– Вы же голодны. И я после работы хочу есть, вот и поужинаем вместе, – просто ответила хозяйка и закрыла за ним дверь: – Проходите.

Ничего другого не оставалось, как пройти в комнату, раз сам заварил такую кашу. Он прошел в довольно просторную уютную гостиную. Под большим оранжевым абажуром горела лампочка, излучая тепло. По радио звучала тихая музыка. Абажур был явно советских времен. У бабушки висел такой же абажур с пышной бахромой. Маленький Вовка часто приезжал в гости к ней. Бабушкина многочисленная семья собиралась вечерами за большим круглым столом под тем абажуром. Со вкусом пили чай и вели неторопливую беседу о дне прошедшем, обсуждали дела завтрашние. Добрая, мудрая бабушка терпеливо выслушивала всех. Никто никого не

перебивал, не одергивал. Ей все было интересно и важно. Успокоенные и разморенные вкусным ужином и лаской бабушки, они шли спать. Это были самые замечательные дни детства.

Абажур подействовал на Володю успокаивающе, показалось даже, что он здесь когда-то очень давно уже был. Вот старенький диван, покрытый клетчатым пледом, а над ним полка с книгами, в углу стоит большое мягкое кресло, но самое главное – запах комнаты, неуловимо знакомый запах домашнего уюта. Володя сел в кресло, и ему в одно мгновение стало так покойно и хорошо, что он провалился в глубокий сон.

Тем временем на кухне Катя готовила ужин на скорую руку. Почистила несколько картофелин для прожарки с ветчиной, помыла овощи для салата. Сегодня выдался тяжелый день. Ей пришлось подежурить в больнице около полутора суток. Она работала медицинской сестрой в кардиологическом отделении. Коллеги частенько просили подмениться. Катя домой не торопилась: что ей делать там одной? А в больнице людей много, и все со своими проблемами, прордохнуть некогда. Дни проходят – оглянуться не успеешь. Неделя как один день, и не запомнишь, чем она отличалась от прошлой.

Когда в дверях возник человек и застенчиво попросил горячего чая, она не удивилась. В больнице приходилось выслушивать и не такие истории. Больные любят общаться, особенно если есть кому рассказать. Катя – терпеливый, спокойный человек – с вниманием относилась к каждому, жалела их, и ее любили больные.

Судьба не баловала Катю, росла без отца, а мать, слабая здоровьем, рано ушла из жизни, когда дочке едва исполнилось четырнадцать лет. Остались с бабушкой вдвоем. Жизнь заставила рано повзрослеть, окончила медицинское училище, устроилась на работу, начала зарабатывать деньги. Бабушку свою окружила любовью и заботой, к сожалению, три года тому назад она ушла в мир иной. И вот она осталась одна-одинешенька.

Сейчас накормит этого парня, проводит и наконец-то ляжет спать. Завтра у нее выходной, потому и настроение хорошее, выпится от души. Накрыв стол в кухне, хозяйка вошла в комнату. Странный незнакомец спал в кресле сном младенца. Она всмотрелась в него. Довольно симпатичный, приятные черты лица, спортивное телосложение, аккуратно одет, заметно, что человек интеллектуального труда, не пьяница, не бомж. Катя легонько тронула его за плечо, отчего тот сразу проснулся. Поначалу он не смог понять, где находится. Увидев перед собой незнакомую девушку, вскочил с места и выпалил:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, и кушать подано, – засмеялась та, – пойдемте в кухню.

Потом они пили чай и как-то невзначай разговорились. Так беседуют пассажиры поезда, волею судьбы оказавшиеся в одном купе. Покажется за окном знакомая станция, и человек навсегда покинет своего случайного попутчика с облегченной душой, твердо веря, что больше никогда они не встретятся. Но Володе не хотелось уходить из этой уютной кухоньки. Незнакомый ночной город за окном казался неприветливым, суровым и даже враждебным. Хозяйка, будто почуяв его настроение, сказала:

– Поздно уже. Куда пойдете ночью? Я вам постелю раскладушку в кухне.

Володя благодарно кивнул головой. Ему на самом деле идти было некуда. Из гостиницы уже выписался, решив, что на вокзале купит билет и первым же поездом уедет в свои края.

Лежа на чистой постели и глядя в потолок, он с удивлением думал о превратностях судьбы. Недавно представить себе не мог, что будет спать в чужой квартире. «В жизни вообще все неслучайно, – думал он, – и сопротивляться этой данности глупо. Наоборот, надо стараться прочувствовать судьбу. Всё, что происходит со мной, наверно, должно было произойти. Но все как-то странно и неожиданно. Неужели так бывает в жизни? Заметил окно, позвонил в дверь... и вот лежу в кухне прекрасной незнакомки, сытый и обогретый. Ощущение, будто сто лет знаю Катюшу, и эти стены в веселых солнечных обоях, и чашечки оранжевые в белый

горошек, и даже тихое урчание холодильника знакомо. Так бывает?» Не успев додумать свои мысли, парень незаметно уснул.

Наступило завтра. По деревенской привычке Володя проснулся рано. Катя еще спала. Он, стараясь не греметь, убрал раскладушку, умылся и тихо вышел из дома, аккуратно щелкнув дверью. Повеяло утренней прохладой, перед тем как уйти, Володя сел на свою уже любимую скамейку и закурил. Окна Кати приветливо сияли в лучах солнышка.

«Не стоит поддаваться стрессу, по уши болтаться в проблемах, – подумал он. – Если что-либо произошло, надо пережить это, раз есть на свете такие добрые люди, как Катюша». Откуда-то всплыло: «Не живи уныло, не жалея, что было, не гадай, что будет, береги, что есть!»

– Владимир, пора завтракать! – вдруг он услышал голос. Володя растерялся.

– Я вам говорю! – помахала в форточку Катя. – Идите, кофе стынет!

Пришлось идти. Не благодарить же ее на всю сонную улицу. В кухне аппетитно пахло кофе. На тарелочке лежали бутерброды с сыром и колбасой. Хозяйшка успела уже и яйца сварить.

– Всмятку, – сказала она.

– То что надо, – улыбнулся в ответ Володя.

Потом они пошли бродить по городу. Стояла замечательная погода. Ярко светило солнце, в воздухе пахло сиренью.

– Хочешь, проведу тебя по своим любимым местам? – спросила Катя, сама похожая на цветущую сирень в светлом платице.

– Обязательно! Я совсем не знаю города, – выпалил Володя. Внезапно на него нашло безудержное ликование, захотелось вдруг обнять весь мир. Город сделался дружелюбным, чуть ли не родным, а люди – близкими, доброжелательными.

«С чего бы это?» – мелькнуло в голове, но уже не было времени и желания копаться в своих чувствах. Жизнь снова заиграла всеми цветами радуги.

– Когда мне грустно, я брожу по улицам и смотрю на людей, это отвлекает, но после почему-то еще острее чувствуешь одиночество. Многомиллионный город, а ты одинока, смешно, да? – улыбнулась Катя.

– А ты приезжай в отпуск к нам на Байкал. Я покажу тебе свои любимые места! Идешь по берегу, никого нет рядом, а ты совсем не чувствуешь одиночества, потому что там такая красота неопишная: волны, чайки, горы, сосны, горизонт в голубой дымке... Все живое, единое, понимаешь?

– Представляю... Счастливый ты человек, живешь на Байкале. А для меня это недостижимая мечта.

– Мечты должны сбываться! Обязательно! – заявил Володя.

– Сомневаюсь.

– Я великий маг-волшебник, и в моих силах исполнить желания хороших детишек! – с пафосом изрек тот.

– Ой как здорово! – засмеялась Катя. – Хочу на Байкал!

– Будет тебе Байкал! Катюша, немедленно бери отпуск, и едем со мной. А что, гениальная мысль! – искренне обрадовался своей идее Володя.

– Почему бы и нет? – дерзко посмотрела парню в глаза она, но сразу погрузилась: – Разве так быстро исполняются мечты? Их надо долго лелеять, вздыхать и грустить по ним.

Им стало легко и весело. Они долго гуляли по широким проспектам, любовались струями фонтанов, отдыхали в тенистых сквериках и говорили, говорили. Володя ощутил совсем другое состояние, казалось, что встретились они после долгой разлуки. Он вдохновенно, в красках рассказывал о своем любимом озере-море, пытался описать его восходы и закаты, штормы и штили. Катя, сама того не замечая, тоже излила душу.

Незаметно наступил вечер. С реки потянуло приятной свежестью. Город, утомленный жарким днем, постепенно затихал, вспыхивая великолепными огнями.

«Что было, то быльем поросло, – вдруг всплыли слова, сказанные старушкой. Со вчерашнего дня я даже не вспомнил о Лире. Значит, бабка знала, что так случится? И еще она сказала: твоя судьба впереди».

– Знаешь, Володя, у меня такое чувство, будто мы с тобой давным-давно знакомы. У тебя нет такого ощущения? – спросила вдруг Катя.

– Только об этом и думаю, – тихо произнес тот.

– Я тебя ждала всю жизнь, и вот ты пришел, – посмотрела ему в глаза девушка, – и очень боюсь, что ты исчезнешь внезапно, как появился, и я снова останусь со своим одиночеством наедине.

– Ну что ты, родная, должна же когда-нибудь под бабушкиным абажуром собираться на ужин дружная семья. Есть предложение – срочно купить, украсть или родить старинный круглый стол на фигурных ножках, – ласково обнял ее Володя.

Один мудрый человек сказал: мысль о том, что каждый как бы волею судьбы в должное время встречает нужного человека, исполнена большого смысла. Воспользуется ли человек этой возможностью или пропустит, не заметив ее, – это уже другой вопрос.

Бизнесмен Икар

Нынче летом Мишка Финогеев чуть не умер от ужасающей боли. Даже сознание потерял на какое-то время. Еле спасли.

Районная больница стоит в трех километрах от нашей деревни Заикино, так его баба рекорд побила. На своем стареньком велосипеде это расстояние покрыла за пятнадцать минут. Обрато подлетела на скорой. Мишку увезли, а оттуда – прямо в город. Операцию сделали. Вытащили из желчного пузыря три камня и подарили ему на память, чем он очень гордился. Бережно хранил их в спичечном коробке.

На днях к нему зашел сосед, Макар по прозвищу Икар. Так его назвали не в честь легендарного «пилота» Икара, сына Дедала, а потому что после одного случая на него нашла икота и по сей день не проходит, язви ее.

А дело было так. Как-то по пьяному делу стал доказывать мужикам, что перелетит через нашу речку Задолбанку по воздуху. Пospорили на три бутылки «катанки». Закрылся он в сарае и две недели сооружал крылья. Вылезал на свет божий только по острой нужде, то есть в уборную. И вот в положенный срок на потеху мужикам и детворе вытащил из «ангара» свое творение и огородами пошел на самый высокий берег речки. А крылья-то, мама моя, непонятно из чего сделаны! Тут и провода, и рейки, марля, перья кур и еще бог знает что!

Прикрепил себя к крыльям бельевой веревкой, украденной по такому случаю у жены, и... сиганул с берега вниз! Тут и мужики перекрестились. Макар-то не то чтобы на тот берег перелететь, даже до воды не добрался. Лежит болезный на одном крыле и дымит, как подбитый самолет. Поначалу мужики не поняли: почто он дымит-то? Один даже матюгнулся: «Эх, мол, фашисты проклятые подбили орленка!». Первой пришла в себя детвора. Она кубарем покатила вниз и оттащила незадачливого орленка от тлеющего костра. Оказалось, ребятня после купания не до конца потушила костер, возле которого грелись и сушились. С тех пор он пожизненно стал икать и превратился из Макара в Икара. Икал-то он нечасто, надо сказать, но, когда волновался, мог икнуть четыре раза подряд.

Пришел, значит, Икар к Мишке и говорит:

– Слухай сюды, Мишк, есть идея, ик. Нашел я в прессе интересную информацию, главно дело, полезную, ик.

– Чего? – не понял Мишка.

Надо заметить, что башка Икара завсегда была полна идеями, потому как читал он много и без разбора, а главное, быстро, через две строки на третью – диагональ. Чего не поймет, сам додумает.

– Мишк, есть возможность попасть в книгу Лох-Несса!

– Чего?! – опять не понял Мишка.

– Чаво, чаво! В книгу, говорю, Лох-Несса, ик, ик, ик! Знаменитыми станем на весь мир. Понял?! Есть возможность!

– Не понял, – сказал Михаил.

– Ты чё, завсегда такой мутный али по субботам? – съехидничал Икар. – Про книгу рекордов слышал когда-нибудь? Про Лох-Несса? Во темнота, ик!

– Слыхать-то слышал, только будто Гиннесса называется, – неуверенно поправил Мишка. – Привираешь, однако.

– Ядрена корень! Конешно, Гиннесса! Попутал маленько. Лох-Несс – это вроде чудища из озера, што ли? То ли в Финляндии, то ли в Норвегии, а может, и в Англии. Не помню. Да ладно, разберемся. Я чё хочу сказать...

– Вали быстрее, чего опять выдумал? – прервал раздраженно Михаил.

– Камни у тебя сохранились?

- Какие камни? – снова не понял мужик.
- Ну, которые из тебя недавно выудили?
- А то! – заулыбался Мишка.
- Покажь!

Михаил осторожно достал из кармана заветную коробочку, где на ватке аккуратно лежали три черных камушка. Долго разглядывал их Икар, шупал, удивлялся, икал, потом сказал:

– Во, Мишка, сколько желчи в тебе. Она какие камни наворачиваешь! Идея у меня гениальная! Чем впустую, зазря желчь свою тратить, людям настроение портить, себя изводить, давай твою ядреную желчь на дело пустим.

– Скажешь тоже, на дело. Ты бы на себе испробовал, какие боли страшные испытал. Вовек не забыть. Думаю, даже бабы при родах так не воют. А ты шутики тут шутикуешь, – возмутился Мишка.

– Допустим, при родах ты не стоял, не тебе говорить про баб-то. Послушай сначала, чего такое я предлагаю, а потом возмущайся.

– Ну?

– Недавно я прочитал в журнале, то ли «Огонек», то ли «Техника», а может, вообще «Аргументы с фактами», но это не суть важно, одну интересную статейку. Стали выращивать жемчуга искусственным путем, ик! Чуешь, чем пахнет?

– Про то давно обсказывают. Нашел чему удивляться, – хмыкнул Михаил.

– Не чуешь? Это, промежду прочим, тебя касается.

– Я-то здесь при чем?

– Ты же желчью на всех без толку исходишь, вот и будем в тебе жемчуга выращивать искусственным путем. Теперь понял? – важно заявил Икар.

От удивления у Михаила глаза округлились до размера крупных раковин:

– Сам-то понял, чё сказал? Совсем свихнулся умом после падения в Задолбанку. Во ляпнул! Шиза прикатила?

– Мишк, ты успокойся. Я дело говорю, вот те крест! Знаешь, как дорого ценится натуральный жемчуг? А выведенный человеком, то есть в человеке, жемчуг будет цениться в миллион долларов! Это же открытие мирового масштаба, ик! Это же переворот в науке... в лице Михаила Финогеева! Чуешь?

От возмущения Мишка не смог слов нужных найти, а только крутил пальцем у виска. Икар полдня его убеждал. Энергии потратил много, слов – еще больше. Мишка ни в какую! Тогда он выдал последний аргумент:

– Если ты дашь согласие, я тебе ставлю литр чистой водки, учти, не катанки, – обессиленно изрек Икар.

Михаил задумался...

– Ладно, можа, и договоримся. Только ты меня за дешевку не держи. Я себя уважаю. Я согласный только на два литра и сена моей скотине накопишь на зиму!

«Дорого запросил, черт лысый, – подумал Икар. – За идею, вообще-то, по идее, он должен ставить мне».

– Ну черт с тобой, ставлю три бутылки! – решительно махнул рукой Икар. – А сена сам заготовишь, ну, я подмогну тебе маленько, так и быть.

На том и порешили. Правда, Мишку одолевали сомнения: а ну как опять возобновятся боли? На что у Икара был железный аргумент, мол, все равно он исходит желчью, значит, в любом случае камни наворачиваться будут.

– Процессом надо управлять! – убеждал Икар. – Добиваемся округлости, гладкости и перламутровости, тогда и болей не будет. Жемчуга в виде горошинок сами выкатятся через желудочно-кишечный тракт естественным путем. Успевай только подбирать, ик!

– Чего?! – опешил мужик.

– Значит, так, – продолжил деловито Икар, – с этого дня в корне меняем твой рацион.

– Я што, скотина, чё ли? – обиделся Михаил.

– Скотина не скотина, а подопытным кроликом, то есть улиткой придется поработать. Бизнес есть бизнес! – сурово сказал Икар. – Для начала проглоти вот эти три бусинки.

Икар вытащил из кармана облезлые шарики-бусинки, облепленные крошками табака. Увидев абсолютно неаппетитные предметы, Мишка брезгливо поморщился и наотрез отказался их глотать.

– Ты думаешь, на пустом месте жемчуга растут? Как бы не так! Нужна основа, остов, понимаешь? – разволновался Икар. – Вустрица эта сначала заглатывает осколок чего-нибудь твердого, опосля начинается процесс. Результат налицо – жемчуг! Понял? И мы с тобой должны все силы наострить на добычу жемчуга, раз начали бизнес.

– Штой-то я сомневаюсь в твоей затее, – вяло покачал головой Михаил.

– Сомненья прочь, уходит в ночь! – запел воодушевленный Икар. – Не бойсь, парниша! После того как заглотишь эти бусы, начнешь, ик, усиленно налегать на толченую скорлупу куриных яиц, запивая кислым молоком и лимонным соком. Шкурку лимонную тоже можешь сожрать.

– А это еще зачем?! – возмутился Михаил.

– Ты с рождения такой тупой али притворяешься? – съехидничал Икар. – Он ядреный, он проймет!

– Да пошел ты! Не буду ничего глотать! Жри сам хоть куриный помет, хоть конский навоз, а меня не тревожь своими дурацкими идеями, – обозлился Мишка и, плюнув под ноги, зашагал прочь.

Такого поворота дел Икар никак не ожидал. Он решил было, что дело уже в шляпе, бизнес начался. От досады матюгнулся вслед Мишке, постоял, почесал затылок и пошел домой, решив уговорить на это дело свою жену.

– Даже выгодно, – пробормотал он, – во-первых, доходом ни с кем не надо делиться, во-вторых, процесс гораздо проворнее пойдет. Желчи-то у жены хоть отбавляй, даже удивительно, чего до сих пор у нее камни не завелись?

В жизни всему уделяется место

Александр Михайлович закурил. Хорошо в утреннюю прохладу за околицей. Он специально вышел спозаранку на тракт, сегодня предстоит путь дальний. Конечно, можно было купить билет на автобус и спокойно ехать, куда тебе надо, но ему нравилось голосовать, ловить попутку. Сидишь в кабине вместе с водителем, ведешь неспешную беседу, а прямо перед тобой дорога, убегающая за горизонт. Не то что в автобусе! Запихнут тебя на заднее сиденье, и никакой тебе романтики свежих ветров.

Рядом тормознули колеса. Из кабины выглянул кучерявый парень и звонко прокричал:

– Отец, нам случайно не по дороге?

– Ежели твой путь пролегает мимо Чистых Ключей, то я твой попутчик, – весело ответил тот.

– Валяй, садись! Скука одолела, аж глаза слипаются.

– Ну, здорово, парень! Повезло мне. Не пришлось долго на дороге торчать. Величай меня Михалычем.

Федька, так звали шофера, с ходу попросил песни попеть с ним.

– Это моя слабость, – ухмыльнулся он. – Иной раз, если человек не умеет петь, даже с собой не беру. Будет тут храпака давать да меня заражать.

– Ставь кассету да слушай сколь душе угодно, если приспичило, – засмеялся Михалыч.

– Э, нет, – мотнул головой Федька, – весь смак в том, что сам запеваешь. Я этих кассет наслушался... Поверишь, песен триста наизусть знаю.

– Да ну? – удивился тот. – А вот знаешь песню, «Рулатэ» называется?

– Не. Спой, – попросил тот.

– Без ста граммов, на трезвую голову петь как-то не то, – застеснялся пассажир.

– Глянь, Михалыч, красота-то какая вокруг. Машина – зверь, водитель – ас!

– Не тянет с утра пораньше песни-то затевать, извиняй, – сказал попутчик.

– Ну тогда расскажи что-нибудь из жизни. Например, как за женой ухаживал.

Страсть как люблю любовные истории. Ты женатый?

– Обязательно. Жена у меня – человек! Мы с ней как иголка с ниткой.

– И кто же нитка? – полюбопытствовал Федька.

– Не в том дело, парень. Как говорится, добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.

Ну, слушай, коли уши свободны. Дорога длинная, времени уйма. Расскажу, как жену в дом привел. История непростая. Давно это было...

«Если тебе одиноко взгрустнется... – напевая вполголоса песенку, Саня позвонил в дверь своей квартиры. – Рула-тэ, рула-тэ...» – еще раз нажал кнопку звонка. За дверью была тишина. Он вытащил из кармана ключ и привычным движением вставил в замок.

Целый месяц Александра не было дома. Партизанил, то есть был на военных сборах. Когда-то любимое мероприятие всех начальников гарнизонов и генералов штабов пользовалось большой популярностью среди бывших служивых. А когда развалилась «могучая, кипучая, никем не победимая», все благополучно забыли про эти грандиозные акты. Может, зря?..

Дело понятное, военные сборы – это не курорт, но, с другой стороны, все равно какое-то разнообразие в жизни. На работу ходить не надо, а зарплата идет, плюс халявное питание с проживанием. Жена над ухом не зудит, ребенок не канючит, требуя ежечасного внимания. Комфорта, правда, никакого в брезентовой палатке на тридцать человек, но зато чисто мужское общество, приправленное терпким запахом табака, похмельных паров и потных ног. Днем господа офицеры погоняют мало-мало, зато все вечера их. Под пиво, а то и под сто грамм анекдоты до утра. Чем не отдых? Погода стояла отличная весь месяц. А вокруг лес, река недалече, чем не курорт? Саня вернулся домой слегка даже располневший, в отличном настроении.

Войдя в прихожую, он шумно сбросил с себя рюкзак, прошел в комнату и застыл в удивлении. В комнате было пусто и гулко. Голое окно грустно поблескивало тусклыми стеклами. Наваждение какое-то! «Ограбили! Убили!» – ударила в голову кровь. Он кинулся в спальню. Пустой шифоньер и раскладушка. Заглянул в кухню. Стол без скатерки и один табурет. Все! Нет, не все. На столе белела бумага, аккуратно придавленная спичечным коробком. Это была записка жены: «Прости, надеюсь, больше не увидимся. Я полюбила другого человека. Уезжаю в красивую жизнь. Здесь мне все обрыдло, и ты – тоже, со своими вечными проблемами. До изжоги! Не хочу каждый день считать копейки. Если сейчас не уеду, через два года будет уже поздно. Пока нравлюсь мужчинам, решила начать новую жизнь с чистого листа. Слава богу, нашелся человек, которому я небезразлична. А ты не беспокойся и не ищи нас. На алименты подам сама, если будет нужда. Прощай!».

Саня не поверил своим глазам. Скомкал листок, потом снова разгладил и еще раз прочитал послание беглянки. Сказать, что Александр расстроился, – ничего не сказать, он был убит, задавлен, унижен, уничтожен. Он не соображал, что же все-таки случилось с ним, с его семьей. Конечно, любви страстной не было между ними, но и скандалов вселенских – тоже. Познакомились, понравились друг другу, поженились, родили ребенка через девять месяцев. Все как у нормальных людей. Сыну уже три годика.

Неделю Саня лежал на раскладушке вниз лицом, не шевелясь. Если бы не друг его, Борька, он бы умом тронулся. Другу удалось растолкать Саньку и вытащить на работу. А там вовсю судачили про семейную драму Александра. Встрепенулись незамужние женщины! У них появился повод закабалить свободного мужика. При его появлении томно закатывали глазки и нарочито громко вздыхали, показывая своим видом, какая же стерва эта Верка и как им жалко его, Санечку.

Но постепенно жизнь более-менее вошла в колею. Он, к своему удивлению, достаточно быстро смирился с данным обстоятельством. Опять начал напевать: «Рула-тэ, рула-тэ, рула-тэ, рула-ла-ла!». Где-то даже понравился Александру статус жениха. Необозримые перспективы открылись перед ним. Выбирай – не хочу. Раньше он не особо обращал внимание на женщин, тем более на работе. Бабы и бабы. Замужние или одинокие – значения не имело. Оказалось, что рядом с ним, ноздря в ноздю, шагает столько разномастных, разновозрастных женщин и девушек, мама моя! Голова кругом! Проблема острейшей нехватки мужиков – по причине алкоголизма, дорожно-транспортных происшествий и так далее – выпукло проявилась в реальном свете. Саня ощутил себя прямо-таки красавчиком, плейбоем. Что ты! А Борьке не нравилась эта чехарда вокруг него. Сидя в пустой квартире за бутылкой пива, он возмущался:

– На хрена они тебе? Счастлив игрой, да несчастлив женой. Наступишь на одни и те же грабли. Ты думаешь, бабы на тебя как на мужчину клюнули?

– А то нет? – обижался тот.

– Да ты на себя погляди! Тебя же, сморчка, одним плевком убить можно, – распался Борька, от души жалея его.

– Не Аполлон, конечно, но кудри-волоса на месте, – парировал Санька, намекая на раннюю лысину дружка. – Да и ума не пропил, башка варит дай бог.

У него и в самом деле были густые волосы – золотистые кудри, как колосья пшеницы в удачный год. Он сейчас очень дорожил ими. Ну и что, что росточком не вышел? В отрочестве остановился на уровне где-то метр шестьдесят восемь, но это не метр с кепкой в прыжке. Если надеть туфли на платформе, то совсем даже ничего, даже появился гонорок куражистый или, наоборот, кураж гонористый, в общем, ощутил себя стопроцентным кавалером. А Борису совсем не улыбалось появление бабы в доме друга. Добровольно отдать в хваткие руки пришедшей женщины эдакую бравую вольницу? Дураком надо быть! У него были другие планы на ближайшие пять лет.

– Сань, слышь, здесь у нас с тобой будет явочная хаза, понимаешь? Как у шпионов-разведчиков. Праздники какие отмечать или так, для души собираться, а когда и девок каких привести на свиданьице по очереди, усекаешь? – жарко шептал в ухо Борька, хотя в доме, кроме их двоих да нескольких беременных тараканов, никого и не было.

Но Александр вопреки установке друга взял да и влюбился, как в омут с головой нырнул. Доселе не изведенное чувство с такой силой захлестнуло, что он потерял не только покой, но и сознание слегка помутилось, потому как, кроме Дашутки, никого не замечал. Перестал Борьке дверь открывать, если в это время гостила она. Он полюбил ее горстями, охапкой и захлеб! По своей бывшей так не убивался. Девушка тоже влюбилась в Саню. И дело уже шло к женитьбе, но неожиданно возникло на их пути препятствие. Родители Дашутки, узнав, что их единственная красавица дочка восемнадцати лет собралась замуж за разведенного алиментщика, алкоголика, который к тому же старше их дочери на шесть лет, подняли бучу до небес.

– Нет! – кричала мать в телефонную трубку Даше. – Не бывать свадьбе! Не для этого завалящего мужика тебя растили, холили. Посмей только – проклянун!

Дашка пыталась убедить родителей, что он никакой не алкоголик, а очень даже хороший человек. Но те ее не слушали и вырвали-таки у нее слово, что она немедленно прекратит дружить с ним. А тетке, у кого она квартировала, строго-настрого запретили пускать в дом парня. Молодежь не шибко расстроилась, виделись на работе. Но после, правда, приходилось встречаться тайком, благо была квартира у Саньки. Родители девушки жили далеко, в деревне. Когда Дашка окончила в городе курсы фотографа, тетка устроила ее в фотосалон Дома быта. Там же работали и Александр с Борисом. Саня, парень городской, был мастером по ремонту телевизоров, а дружок – водителем в пункте проката.

– Дашутка, мы все равно будем вместе, да? – который раз спрашивал ее Саня.

– Ты сомневаешься? – кокетливо пожимала плечами Даша.

Александр замирал от одного взгляда девушки, такого с ним никогда не случалось. Это была совсем другая степень обнаженности чувств, когда человек ради любимой без секунды сомнения готов совершить посадку на Луне, достать звезду с неба, превратиться в качка-культуриста или в байкера в кожаной куртке. «Хотя на физкультуру силы воли не хватит, этого обещать не стоит, а для байкера мотоцикла нет, но подарочки Дашеньке могу дарить», – думал парень.

А родители девушки не теряли бдительности, были начеку. И вот однажды разведка доложила, что их ждет фатальный провал: дело приближается к логическому исходу, то есть к женитьбе. Надо было срочно спасать дочь! Десант в составе Ивана Иваныча, отца Даши, матери, Раисы Захаровны, и двух теток неопределенного возраста стремительно «спустился» на территорию Дома быта города Улан-Удэ. Что происходило в фотосалоне, о том история молчит. Известно одно: Дашутка взята в полон и переправлена на малую родину, в отчий дом. А тетка, у которой она жила, предана родней анафеме.

Связь была прервана напрочь! Родичи отключили телефон, спрятали паспорт и запретили Дарье выходить из дома. Если куда-то и выбиралась, то только в сопровождении одной из теток. Саня умирал... Он страдал так, как не убивался, даже когда жена с сыном сбежали к другому, прихватив все барахло из дома. Но всегда найдутся добрые души, если дело касается любви. Ими оказались друг Борька и одна из тех теток Дашки. Каким-то образом нащупав во вражеском стане слабое звено в лице Ольги, так звали ее, друг чрезвычайно возбудился. Совместно разработали грандиозный план похищения Дашутки. Но выяснилось, что кроме паспорта от нее попрятали всю одежду, обувь – короче, дома она пребывала в одном халатике и шлепанцах.

План заключался в том, что Саня летит к Дашке с обратными билетами. Да-да! Из Улан-Удэ летали небольшие пассажирские самолеты в дальние районы! Верится с трудом, но в совет-

ское время было такое! Даша вместе с Ольгой идет как бы в магазин, а сама тайком бежит в аэропорт. Там они встречаются и в спешном порядке садятся в самолет. Самолет, заправившись, по расписанию через час обратно улетает. И пока родители девушки не спохватились о похищении, молодые в спешном порядке расписываются. Но вся беда заключалась в том, как отыскать паспорт. В ЗАГСе договорятся о регистрации, это дело Борис берет на себя, так как хорошо знает заведующую. Не раз приходилось возить ей из проката то ковровую дорожку, то фужеры, а то и фату. Поиски паспорта возложили на Ольгу. Та очень старалась, но пока безрезультатно. А без документа опасно было рисковать, родичи догонят дочку, а жениха, чего доброго, еще и прибьют.

Наконец раздался долгожданный звонок:

– Паспорт найден и тайно конфискован! Сане можно вылетать!

А как переправить документ в город? Без паспорта билет не продадут. К тому же оказалось, что билеты на ближайшие рейсы давно закончены. Надо было ехать только на своей машине. Хотя и летали самолеты в то время, но мало кто имел свои собственные автомобили.

– Ты же знаешь мою начальницу, – отнекивался Борька, – зверь-баба. Не даст машину! Пусть Ольга сама Дашку крадет и дует сюда или посадит ее одну в автобус. Не маленькая, доберется.

– Не пойдет Ольга на это. Испугается. Те могут проклясть ее на веки вечные, да и Дашутка одна не посмеет, она ж из старовойческой семьи, – покачал головой Александр.

Староверы, или, как их называли местные, «семейские», соблюдали домострой. Правда, не все семьи, но в крови у каждого была боязнь перед родителями и Богом.

– Да, криком изба не рубится, шумом дело не спорится, – философски заметил Борис, – надо ехать. Голову на плаху положу, но в выходной машину угоню. Запасайся деньгами. Дорога дальняя, бензину много потребуется. В субботу спозаранку тронемся, а в воскресенье к утру будем дома. В понедельник – в ЗАГС!

Так и решили. Дальше события развернулись стремительно. Борьке удалось незаметно из общественного гаража угнать машину. Бензин залили по самое не хочу и с ветерком помчались к невесте.

– Слушай, все как по заказу получилось, а? – радовался Борис.

– Вот это-то меня и смущает, – волновался Саня, – когда все хорошо, это не к добру. Высоко поднимет, да низко опустит.

– Типун тебе на язык, – сплюнул тот через левое плечо. – Не наводи тоску. Как-никак за твоей невестой едем. Радоваться должен. Одно не пойму: зачем опять на шею хомут надеваешь? Охота пуще неволи? Ну, дело твое, тебе жить. Жалко только, что явочную квартиру теряю.

Короче, суд да дело, прибыли в село. Как и договорились, Ольга с Дашуткой ждали их на развилке. Они кинулись друг к другу с поцелуями, будто сто лет не виделись. Что с них возьмешь, амур-тужур! Но остальной народ не дал им застыть в объятиях надолго, общими усилиями запихнули влюбленных в кабину. Борис строго-настрога наказал Ольге любой ценой ночь продержаться и день простоять, потому как ЗАГС нашего района в воскресенье не работал, будь он не ладен. Все по выходным работают, а наш – по понедельникам, смехота. Если родичи обнаружат пропажу дочери, кинутся в погоню на своей машине. У них есть! А у Борьки – задрипаный комбинатовский грузовичок. Разница, елки-моталки! Но Ольга – добрая душа – пообещала жизнь положить ради молодых. Она скажет родителям, что Дашка ночует у нее. Те, по их плану, пропажу должны были обнаружить только к вечеру, а если удастся с враньем, то и в понедельник. К этому времени у беглецов дело будет в шляпе. Превратятся голубки в семейную ячейку, пусть попробуют ее развалить. Такого закона в кодексе нету!

– Ты к тому времени был уже разведен? – вернул Александра Михалыча к реальности ушлый Федька.

– А то нет. И развод, и алименты – все путем. Ей же, ну, моей бывшей, надо было быстрее того захомутать. Она с этим делом не тянула. И потом, я ж не сразу на Дашку-то глаз положил. Знаешь, как тяжело развод пережил? Удаться хотел. Поживешь с мое да пожуешь с мое, узнаешь. Как говорится, отведаешь сам, поверишь и нам.

– Понял, валяй дальше. Интересно.

– Короче, приехали мы в город под утречко. И сразу ко мне! Дашутка моя чего-то дрожать начала. Испугалась, что против воли родичей пошла. Хорошо, Ольга не подвела, держала оборону крепко. Погоня настигла нас только во вторник вечером. А мы уже женатые. Как Борис упрашивал заведующую ЗАГСом, это видеть надо. Он в буквальном смысле валялся у нее в ногах. Я, само собой, тоже на коленях умолял. Сжалилась она над нами, пошла против закона и расписала. Теперь Марья Иванна и Борис – родственники наши, крестные первенца Юрки, а Ольга – крестная дочка Алёнки.

– А как сладил с тестем и тещей?

– Как в поговорке, больше верь своим очам, нежели чужим речам, – удовлетворенно хмыкнул Александр Михайлович. – Когда познакомились поближе, люб я стал им. Поначалу они не хотели даже разговаривать со мной, но куда им деваться, зятек я им законный. Такую свадьбу отгрохали, приданого полный дом отвалили. У них ведь два сына да одна дочка-лапочка, Дашутка любимая. Вот и постарались.

– А как теперь живете?

– Хорошо живем, грех жаловаться. Из Дашки бравая хозяйка вышла. А ее родители, то есть тесть и теща, всегда рады мне. Теперь всей деревне телевизоры чиню. Сено там, картошку вскопать – все на мне. Парни-то женились, да и разъехались по белу свету. Вот и сейчас еду к ним. Чего-то Иван Иваныч занедужил, а Раиса Захаровна и так давлением мается. Поживу с недельку, помогу по хозяйству. А там и Дарья моя в очередной отпуск уйдет. После сын подьедет. Так и будем за ними ходить. К нам ни в какую не хотят переехать, жалко дом продавать. Надеются, что когда-нибудь мы с Дашуткой обоснуемся там. А у них хозяйство крепкое, земли много. Места красивые. Недаром деревня называется Чистые Ключи.

– Да... прямо индийское кино, – выдохнул Федька.

Какое-то время ехали молча. Каждый думал о своем. А дорога, извиваясь змейкой, несла их вперед. Наконец кончился лес, и очередной поворот открыл такую роскошную панораму долины, которая тянулась до самого горизонта. Вдали блестела на солнце, изящно изгибаясь, лента реки. Михалыч, сам того не замечая, вдруг запел: «В жизни всему уделяется место, рядом с добром уживается зло, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Эй, руля-тэ!..».

Ветер свободы

Надумал как-то Степан отправиться в путешествие. Надоела ему жизнь деревенская, каждый день одно и то же. Недели как близнецы-братья. Тоска смертная. Свадьбы или там именины какие и то перестали играть, потому как жениться некому, а на второе денег нету. Даже похороны стали редким явлением, хотя деревня заселена в основном пожилым людом-народом. А они будто законсервировались, кряхтят, сопят, но живут. Закалка стальная, гвозди бы делать из этих людей...

Вопрос уперся в транспорт. Выбор небольшой: на велосипеде или на своих двоих. Конечно, солиднее на велике, все-таки колеса, да и какой-никакой скарб можно загрузить, а на горбушке много ли потащишь.

«Все. Завтра же спозаранку уйду», – подумал он. В груди сладко защемило от предчувствия новизны жизни. Степан Курекин, невзрачный мужичок тридцати семи лет, жил один в родительском доме. Скотину не держал, огород не сажил, подрабатывал грузчиком в двух частных магазинах на одного хозяина. Тот платежкой не обижал, даже иногда из одежды куртку какую китайского производства подкидывал или футболку с надписями на непонятном языке, а то и из продуктов чего-нибудь просроченного. А что, он не гордый, много ли ему одному надо, желудок луженый, все переварит. Утром, проснувшись, Стёпка еще часок повалялся в постели и пришел к выводу, что не стоит сегодня отправляться в путешествие, надо основательно подготовиться, мало ли что может случиться в пути! Необходимо хорошенько все продумать, с друзьями посоветоваться, определить маршрут.

– Я же не бродяга и не бомж. И цель должна быть. Все! Понял! Что-то постоянно свербило внутриутробно, будто чего-то недокумекал. Обнаружилось. Цели не было! – вслух обрадовался Степан. – Так, какую же цель перед собой поставить?

Полдня он промучился, но так и не придумал, ради чего можно двинуться в поход. Как раз в нужный момент заглянул к нему Юрка, или, попросту говоря, Кочерга, хотя наружно никак не соответствовал кухонной утвари, был достаточно упитанным, щекастым, медлительным. Еще с детства он привык откликаться на эту кличку, никогда не обижался. Но зато страшно сердилась Томка, его жена. Попробуй при ней обозвать Юрку Кочергой, тут же тумака получишь.

– Отучу я вас всех, – кричала она, – чего бы это мне ни стоило! А народ упирался, не хотел менять привычку. Почему он стал Кочергой – целая история. Фамилия у него Капустин. Поначалу его звали Капустой, потом с чьей-то легкой руки стал Кочерыжкой, а уж потом сократили до Кочерги.

– Привет! Ты мне как раз и нужен, – обрадовался Степан. – Зараз с тобой посоветоваться надо.

– Тороплюсь я, – неспешно заявил Юрка-Кочерга, – забежал стрелнуть сигаретку.

– Погоди, покурим, – Стёпка достал из кармана курево. Сели они на завалинку.

– Ну, чего? – чиркнув спичкой, спросил Кочерга.

– Тут вот какое дело. Понимаешь, мне цель нужна.

– Начни сначала, – невозмутимо изрек тот.

– Я и говорю. Изначально ведь цель нужна, потом все остальное. Я прав? – с надеждой посмотрел на него Степан.

Кочерга привык к манере общения друга. Он начинал разговор с того момента, о чем в данное время думал.

– Цель для чего?

– Путешествия, конечно.

– Уже тепло. Куда курс держим?

- То-то и оно. Некуда. Цель нужна!
- Проясняется кое-что. Ты решил удариться в путешествие, но не знаешь, для чего. Так? Я правильно понял?
- Ну слава богу, допер наконец-то, – взволнованно пустил густую струю дыма Стёпка. – Уж не знаю, как и быть.
- Причина какая?
- Какая причина?
- Ну, что-то натолкнуло тебя на эту мысль?
- Тоска заела. Надоело ящики-коробки таскать. Хочу на людей поглядеть, по новым местам пройтись, интерес к другой жизни проявить.
- Дык цель уже есть.
- Какая же это цель? Путешественники просто так не гуляют по белу свету. Вон, Пржевальский зебру нашел, Колумб Америку открыл, Кусто акул изучал...
- Еще Миклухо-Маклая с Куком вспомни, после на обед к папуасам пойдешь заместо котлет.
- Я серьезно, Кочерга. Хочу в поход, мочи нет!
- Кого ты перечислил, это все ученые, а ты – Стёпка Курекин, и все. Кого изучать-то надумал? – лениво сплюнул сквозь зубы дружок.
- Обрыдло мне дома сидеть, понимаешь? Из угла в угол тоску гонять.
- Понимаю. Но букашек-таракашек изучать, бабочек ловить не сможешь, не энто... как его... могол, да и какой интерес с ними возиться. Разве ж редкие имена будешь собирать?
- Это еще зачем?
- Есть такая наука, только забыл, как называется. Но ты все равно не сможешь, – задумчиво изрек Кочерга.
- Почему знаешь? – чуток обиделся Степан.
- Бить тебя постоянно будут.
- За что? – насторожился тот.
- Эта наука требует общения с людьми. Ты начнешь свою цель изъяснять с середины, кто поймет? Только нервы людям потреплешь, а который нетерпеливый или, там, подозрительный возьмет да и съездит по уху от напряжения чувств.
- Не, не буду кликухи собирать, елы-палы, – быстро согласился Степан.
- Может, телеграфные столбы вдоль дороги будешь чинить? Где что падает – подынешь, выправишь. Вот тебе и цель, и людям польза, – важно заявил Кочерга, удивляясь своей прозорливости.
- Ага, хочешь, чтобы возле каждого столба меня арестовали? Не докажешь ведь, что доброе дело хотел совершить. Скажут, диверсант-подрывник, и потом, предлагаешь лопату с ломом с собой тащить в поход?
- Тоже верно. Время сейчас смутное, перестройка, будь она неладна, из коммунизма в капитализм прям, а может, и в анархизм, не разобрались еще, скажу тебе. Запросто арестуют, – разочарованно вздохнул мужик. – Слушай, придумал! Какая твоя изначальная специальность?
- Какая?
- На кого учился-то после школы?
- А... на сантехника.
- Вот! По пути следования ты будешь строить фонтаны. Это как раз по твоей части: и трубы, и вода, и напор, – довольный своей идеей, заулыбался Кочерга.
- Краны, там, унитазы я могу починить, а фонтаны, черт его знает, как делают, – засомневался Степан.

– Это же такая красота! Ты своим появлением людям радость доставишь. Струи, брызги, бульканье, возле твоего фонтана девки с парнями свиданку назначат, целоваться будут. Тебя как звезду знаменитую ждать будут. Очередь из сел и деревень выстроится.

– Не-е-е... еще больней.

– Расшифруй.

– Деревнями начнут бить.

– Почему?

– Не умею я фонтаны строить. Поставлю посереде села унитаза, пушу снизу вверх струю и скажу: вот, мол, вам фонтан, подходите, подмойтесь, так, что ли?

Кочерга, представив такую картину, невольно рассмеялся:

– Как-то забавно называется такой унитаза. Видел по телику. То ли «беда», то ли «горе». И кто его только придумал? Главно дело – для чего?

– Биде называется...

– А-а-а...

Помолчали. Каждый устремился в свою думку.

– Душа спокойней будет, – нарушил затянувшуюся паузу Степан.

– Обскажи начальную мысль, – попросил лениво Кочерга.

– Обойдусь без цели, так лучше будет. Иду себе и иду, никого не трогаю, и меня не трогают, – объяснил Стёпка. – Может, вместе двинем, а?

– Вдвоем-то, конечно, было бы сподручнее, но Томку мою ты знаешь. Она не отпустит, так мозги поколупает, а потом все извилины утрамбует.

– У, такой хай подымет, – инстинктивно съезжился Стёпка. – Что одному в радость – другому в гадость.

– Даже мысль такую в башке опасно держать. Учует в момент, – вздохнул Кочерга.

– Ей бы шпионом работать. Все унюхала бы.

– Знаешь что, Степан, давай-ка сходим до Гришки. Он тебе точно цель поставит, и не одну. Идеи у него так и хлещут из «репы», – обрадовался он.

Гришу Голикова нашли в огороде в интересном положении, то есть с большим фингалом под левым глазом.

– Женка со вчерашнего дня собачится. Вот в ссылку отправила, на лесоповал, – пошутил он.

– Прощтрафился, значит? – уселся на корточки под черемухой Кочерга.

– Скандал учинила по поводу небольшой расслабухи с соседом Проклом. Я ж не виноват. Ему захотелось, я только компанию составил. А она давай орать да кулаками махать, – почесал затылок Гришка.

– Дома твоя? – шепотом уточнил Степан.

– Не. Ушла в магазин. Не бойтесь, это надолго.

– Так, не мешкая, приступаем к делу, – задумчиво промолвил Кочерга, – тут, эта... вон Стёпка в путешествие ударился. Нужна твоя помощь.

– Цели нету, – быстро вставил Стёпка.

– А на хрена ты в поход собрался? – удивился Гришка. – Уж кому-кому, а тебе-то, холостяку, от кого бежать? Не жизнь, а полная расслабуха: хочешь – пей, не хочешь – жуй.

– Скучно человеку, – пояснил Кочерга, – у тебя каждый день как в стане врага, а ему чем заняться? Тараканов давить?

– Мне б твои заботы, – позавидовал от души Гришка, – на хрена я вообще женился?

– Придумай цель жизни. Не хочет Степан без толку шляться, обутки трепать, задача должна быть, говорит. Желательно пользительная.

– А чё тут думать? Ищи бабу, как сказали французы. Вот тебе и цель, и задача, – рубанул тыпкой Гришка, – хотя, опять же, на хрена они нужны? Годи маленько, погорячился я! Счас придумаю чего-нибудь.

– Цель должна быть возвышенная, приятственная и, главно дело, не пустяковая, не французы мы, – укоризненно проворчал Кочерга.

– Придумал! – засверкал «фонарем» Гришка. – Будешь собирать анекдоты! Кого в пути встретишь, проси, чтоб анекдот ядреный потравил. Писать-то хоть умеешь? – вдруг засомневался он.

– Дело говорит, – оглянулся на Степана Кочерга. – Соберешь кучу, книжку выпустим или Петросяну продадим, он богатый. Опять же польза.

– Спиться недолго, – пробурчал Степан.

– Сначала и поподробнее, – попросил Кочерга.

– Кто тебе на тверезую голову, за здорово живешь анекдот расскажет? Наливать надо. Сопьешься, да и денег нету столько.

– А ты с подходцем: мол, так и так, ученый я, устное народное творчество, фонклёр собираю – не откажут, – убеждал Гришка.

– Ручки не напасешься, – проворчал Стёпка, явно недовольный целью.

– А ты карандашом пиши. Починил – и порядок, – тут же парировал тот.

– Не сойдет за ученого, – оглядывая Степана с головы до ног, засомневался Кочерга, – не поверят. За сантехника – куда ни шло, а за ученого... Нет, не поверят. Опять же, за обман побить могут.

– Чего это все приготовились меня бить? Прямо выстроились вдоль дороги с дубинками, – обиделся Степан.

– На хрен тебе сдалось это путешествие? – потрогал свой синяк Григорий. – В пути-то всякое может случиться. Гарантии на безопасную жизнь нету. И на чем поедешь? Автостопом?

– Как это? – удивился будущий турист-путешественник.

– Выходишь на дорогу и голосуешь. С попутки на попутку. Удобно.

– Чё-то я не подумал, – обрадовался Степан, – автостопом поеду! Велосипед сломаться может, ноги надежнее.

– Придумал! – Гришка аж подпрыгнул на месте. – Говорите, что цель должна быть полезительная, так?

– Именно, – солидно пробасил Кочерга.

– Стёпка, пойдешь вдоль Байкала. Будешь от мусора берег очищать. До самого Северобайкальска можешь дойти. Чем не поход?

– Буду вечерами рыбу ловить, уху варить, – воодушевился Стёпка, – на закаты глядеть. Красота! Елы-палы!

– Ну ты башка! – уважительно посмотрел на Гришкин фингал Кочерга.

– Мужики, может, втроем сорвемся, а? – вошел в азарт Гришка. – Поднажмем на экологию. Будем этими... ну, зеленые которые?

– «Гринпис», – важно изрек Кочерга.

– Во-во! Грин... как его... писами станем!

– Матюгнулся будто, – неодобрительно отозвался тот.

– Будет чего вспомнить на старости-то, сколь же можно под игом баб ходить? – мотанул головой Гришка.

– Не трави душу, – поддержал его Кочерга, – задолбали они нас. Матриархат какой-то! Амазонки местного разлива, черт бы их побрал, тока на лошади скакать не умеют, а махать чем ни попадя – запросто.

– Уйдем втихаря, и ваших нету, а? – подал голос молчавший Степан.

– Вот они завоюют. Отомстим им по первое число! За все отомстим: и за синяк, и за оскорбление, и за унижение, – горько воскликнул Григорий.

– Это кому же ты мстить собрался? Уж не мне ли? – вдруг замаячила за оградой Нина.

– Да я это... про сорняки говорю, – Гришка усиленно замахал тыпкой.

– Аккуратней! Всю морковку обдерешь! А вы чего приперлися? – грозно повернулась к ним она.

– К другу уже и зайти нельзя, – поднялся с земли Кочерга, – не стражай глазами-то. Не пугай, пужаные мы.

– Валите отседова! Нечего мне мужика портить!

– Кто портит-то? Сама вон шкуру ему уже подпортила, – намекнул на Гришкин синяк Кочерга.

– Тебя не спросила! Мое хозяйство, что хочу, то и ворочу! Скажу Томке твоей, что мужика моего на выпивку подбивашь, и тебе враз шкуру подпортят.

– Но-но, полегше на повороте. Не на тех напала! – отступил на шаг Кочерга.

– А ты чего вылупился тут? – повернулась к Стёпке она. – Топай отседова, тихушник!

– С тобой связаться – только жизнь свою коротить, елы-палы. Пойдем, Кочерга!

– Ой, кому нужна твоя жизнь? Только воздух колышешь да пыль поднимаешь.

– Нинка, попридержи язык-то! – подал голос Гришка.

– А ну уматывайте, кому сказала! Знаю вас! Одно на уме! Как бы из дому выскользнуть да праздник души устроить. А то, что я одна верчусь как белка в колесе, – повернулась к мужу она, – тебе и дела нету! Когда мне крышу сарая починишь? Скоро дожди зарядят, тогда будет тебе праздник! Пьянь синюшная! А вы, алкаши долбаные, чего уставились?!

– Никогда не были алкашами, любят бабы все преувеличивать, – пробурчал Кочерга.

Друзья быстро ретировались от греха подальше. Степан, несмотря на такой унижительный финиш, все же остался доволен посещением Гришки. Друг не обманул надежды, обрисовал цель. А Кочерга обиженно сопел. Он был гордый.

– Знаешь что, – промолвил он, – удеру-ка с тобой в поход. Женщины наступают на горло нашей песне. Пускай прочувствуют отсутствие наличия хозяина в доме.

– Вовремя я сообразил, – как всегда, непонятно выразился Степан.

– Объясни, – отреагировал Кочерга.

– Тоже строгая была.

– Кто?

– Моя.

– Бывшая, что ли?

– Ага.

– Чего разбежались-то? Все хочу спросить.

– Вовремя я сообразил податься в деревню. Надоело в городе. Воздуху не хватало. А она ни в какую. Ей нравилась городская кутерьма. Отпустила меня с условием, что квартиру на нее перепису. Квартира у нас там своя. ЖКХ мне выделил. Лет десять сантехником мантулил.

– Значит, ей оставил квартиру?

– Не ей, а дочке. Жена недавно замуж вышла, второго ждет. Мужик попался неплохой. Не обижает моего ребенка.

– Откуда знаешь?

– Съездил к дочке под Новый год. Подарки увез. Веселая она была. Раньше надо было вернуться в деревню, домой-то. Жалко, что мать меня не дождалась. Мы бы сейчас с ней хорошо жили. Ей покой, и мне приятно.

– Да, грехи наши земные, – вздохнул Кочерга, – ладно, пойду. Спешу я.

– Топай. Завтра спозаранку и тронемся.

– Слышь, наверно, это дело отметить надо, а? Дороги может не быть. И Гришку позовем. Вечерком заглянем к тебе. Картоху отвари, там, хлеба... А мы с собой возьмем.

– Закусь найдется.

– Ну, бывай!

– Жду.

Друзья расстались возле дома Степана.

Вечером, часу эдак в десятом, вкрадчиво образовались Кочерга с Гришкой. Стёпа бурно обрадовался, будто месяц их не видел:

– Картошка стынет, заходите в избу!

Мужики спешно прошмыгнули в сени. Перед тем как захлопнуть дверь, Степан, высунув голову, зорко осмотрел округу и, убедившись, что преследований нет, быстро закрыл ее на щеколду.

Войдя в горницу, друзья были приятно удивлены. Хозяин постарался на славу. Стол ломился от яств. В большой сковороде томилась жареная картоха, на тарелках лежали сало, нарезанное солидными кусками, соленые огурцы, десяток вареных яиц, сахар-рафинад в коробке; довершал натюрморт крупный неочищенный омуль с томными глазами. Ну и, само собой, хлеб-соль.

– Ух ты! Настоящий банкет! – вытаскивая из кармана пиджака бутылку, восхитился Кочерга.

– Обижаете, мужики! Это же я отвальную делаю. Спрячь бутылку, Григорий! Я что, нищий? Пол-литру не в состоянии купить для друзей? – с этими словами Стёпа вытащил из холодильника запотевшую бутылку водки. – Специально в морозилке держал.

– Эх, – потирая руки от предвкушения веселья, выдохнул Гриша, – жизнь – это хорошая штука, «твикс» – сладкая парочка! Давайте сникерснем!

Кочерга, с молчаливым достоинством пригладив усы, уселся за стол:

– Ну, мужики, за дело!

– В хорошей компании и пьется хорошо, а, Кочерга?

– Гришка, а твоя не прознает, чем ты занимаешься в данный момент? – осторожно поинтересовался Стёпа.

– Ни боже мой! Она меня отправила тещину картошку полоть. На другой конец села по такой духоте на проверку не потащится, а сотовая связь, слава богу, до нас еще не дошла. Могу до полной темноты пропадать.

– Запах куды денешь?

– Продумано. Скажу, что теща поставила чекушку за ударный труд на ее плантации. А завтра с утра сбегаю да покручусь с тяпкой вокруг поля, в середину она не полезет.

– Хитер старый лис, – хохотнул Кочерга. – Ну, наливай, что ли, Степан Ефимыч!

– Это мы можем, – Стёпка аккуратно разлил водку по граненым рюмкам.

Кочерга встал и важно изрек:

– Не забулдыги мы какие-нибудь и не в подворотне пьем, а вот за этим богатым столом. Что хочу сказать...

– Короче, – перебил его Гришка нетерпеливо.

– Тостовать положено! Никак друг наш в путешествие направляется. Имей в виду: в опасное! – укоризненно посмотрел на него Кочерга.

– Молчу, тостуй уже! Ухи нараспашку!

– Так вот что я хочу сказать, – прихлопнул комара у себя на щеке Кочерга. – Вот комар, тварь божья. Зудел над ухом, жить хотел. Раз – и лишился радости. Так и мы. Жены нороят нас прихлопнуть, чтобы в нас личность убить, чтобы мы превратились в марионеточных кукол, зомби и роботов. Но мы не твари какие-нибудь, а люди со своим достоинством. И вот среди

нас появилась личность, имею в виду Степана, который бросил вызов всему женскому роду. Он хочет отправиться в свободное плавание, чтобы почувствовать дух свежего ветра.

– Короче, Стёпка, мы тебя уважаем! – опрокинул рюмку в рот Гриша и захрустел соленым огурцом.

– За тебя, Степан Ефимыч, – повысил Кочерга на полтона голос, – пью стоя! За твой героический поступок!

Гришка виновато приподнялся со стула.

– Чего встал? Проглотил уже водку-то, – съехидничал Кочерга.

– Спасибо, друзья, – тронутый до глубины души пышным тостом друга, выпил залпом и Степан. – Угощайтесь, налегайте на картоху, ёлы-палы.

Отрывались они долго и от души. Было много сказано слов. Уже решили сорваться в путь-дорогу втроем. Даже маршрут разработали. Долго спорили, чуть не разругались. Потом устали. Но у них было...

Возбужденное состояние сменилось безысходной апатией. Мужики напились в лохмотья, но где-то далеко в мозжечке постоянно пульсировала мысль о женах. Это очень портило настроение.

Расставание было нескончаемым: обнимались, хлопали друг друга по плечу, едва держались на ногах, но себя уважали... Гришка все пытался доказать, что завтра на рассвете всенепременно уйдет в поход и плевал он на тещину плантацию, потому как живет не в хижине, имея в виду дядю Тома, а в своем собственном доме. А Кочерга пытался запеть: «...калинка, калинка моя, в заду ягода малинка, малинка моя».

Наступило сумрачное утро, голова у Степана раскалывалась на сорок маленьких осколков. Не то чтобы отправиться в путешествие, он не в состоянии был мизинцем пальца ноги шевельнуть: результат смешения водки с «бормотухой».

Остальные двое получили по полной все, что положено в таких случаях, от своих благовверных. Напрочь были выбиты из головы такие будоражащие кровь слова, как «свобода», «свежий ветер», «личность», «Байкал», «экология»...

Душе хотелось легкости, веселья, а получилось, как всегда, – похмелье.

Деревенская кадрили

– А вообще мое полное имя – Христинья, – объяснила внучке бабушка Христя, накрывая на стол, – отцову бабку так величали. И тебя, ягодка моя, хотели этим именем назвать, да мать твоя шибко воспротивилась.

– Молодец моя мамочка, что не дала старушачье имя, – не отвлекаясь от телевизора, бросила Лариса.

– Говорят, как тебя нарекут, так и жизнь пойдет. Христинья – красивое имя, с Богом связанное, и у меня судьба удалась. Конечно, не была она шибко бравая, но и жаловаться грех. Единожды замужем была, на сторону не бегала, мужу не изменяла, и он меня уважал. Ругаться ругались, как без этого, но кулачище там али кнутовище никогда не подымал на меня. Дружно мы прожили, деток нарожали и мамку твою родили, – наливая чай в большую цветастую кружку, рассказывала старушка. – Трудностей много було, нас не баловала судьбинушка, но руки никогда не опускали, на довериях отношения строили, внуца. Истинно на довериях...

– Бабуль, ты это к чему? – повернулась к ней Лариса.

– А к тому, что незачем было из дому убегать.

– Он мне изменил, а я должна простить его? Никогда! – уставилась снова на экран телевизора Лариса.

– Э-э-э, ягодка моя, поторопилась ты. Запомни: никогда из дома самой уходить нельзя, как бы тебя ни выворачивало наизнанку. Нонче ты уже замужняя жена, семья у тебя, скоро детки пойдут. Раз балаболите мало-мало человечьим языком, не поленилась допрос устроить, не собаки дворовые, глядишь, и разобрались бы, а то разгавкались и врассыпную, – расстроилась совсем бабушка.

– Не разобрались бы! – нахмурила бровки Лариса. – Никогда не прощу!

– Не говори слово «никогда», – рассердилась бабка, – много чаешь, да ничего не знаешь. Жизнь длинная впереди, мало ли чего может случиться. Говорят, кто-то послан в мир на страдание, кто-то – на скуку, кто – на серое существование, а кто – на радость окружающим. От тебя самой зависит, ягодка моя, на радость али на страдание родилась.

Ларису бабушка любила больше всех. А внучат у нее пятеро. Так уж случилось, что она с малых лет жила больше у бабушки, чем у родителей, потому что из всех дочерей одна ее мама Лена вышла замуж за бывшего одноклассника, Димку Большакова, и осталась в своей деревне. Остальные же разъехались по городам и весям – кто дальше, кто ближе – и навещались к родителям не так часто: у всех свои дела.

Баба Христя с умилением вспоминает один случай. Тогда лето выдалось сухое, жаркое, все кругом выгорело на солнце. Муж лежал в районной больнице, уже тогда сердце прихватывало и давление подсакивало у него, шутка ли: жара под сорок градусов в тени. А Лена с Димой, как назло, уехали погостить к сестре в город, оставив у них пятилетнюю Лариску. Зной стоял великий в том году. В мае – июне будто покапало малость, а в июле – ни дождинки. Соседи, как могли, поливали картофельные поля у себя на участках. Посадили тогда Чуркины мешка четыре картофеля. Ботва уже засыхала на корню, а где ж она силы возьмет с малым дитятей картошку поливать? Хорошо бы хоть огород сохранить. Картофельное поле, как у всех сельчан, располагалось за огородом, а туда шланг не дотянешь. Баба Христя, стоя на крыльце, сокрушалась, что нынче зимовать им без картошки.

– Вишь, чё творится, – говорила она внучке, – дождя бы сейчас хорошего, а на небе ни облачка, Боженька совсем забыл про нас.

– Бабушка, я сейчас, – сказала малышка и выбежала за калитку.

– Не ходи далеко! – успела только крикнуть вдогонку Христя. Через некоторое время прибегает домой внучка и говорит:

– Бабушка, я попросила у Боженьки дождя.

Христя похвалила внучку, покормила, и та неожиданно захотела поспать, это днем-то, бывало, вечером в постель не загонишь. Пошла девчонка в комнату, прилегла на диван да и уснула. А Христинья Ивановна занялась делами домашними. Прошел примерно час, как вдруг она услышала через открытую дверь, будто что-то зашуршало. «Неужто дождь пошел?» – подумала она и выглянула во двор. Каково же было ее удивление, когда из единственного облачка прямо на ее картофельное поле, огород и двор лил хороший летний дождь. Небеса чистые-чистые, а это облачко как-то витиевато завернулось и прямо на ее поле опрокинулось дождем.

– Лариска, погляди-ка! – позвала баба внучку. Они обе радостные, не веря счастью, стояли на крылечке под дождем, пока он не кончился. Хорошо промочив землю, облачко растаяло на белесом выгоревшем от зноя небе. Внучка рассказала ей, что она побежала на дорогу, откуда виден крест старенькой церквушки, и попросила Бога, чтобы помог бабушке полить картошку.

– А что тебе ответил Боженька? – спросила бабушка, ошарашенная таким чудесным явлением.

– Он длинно сказал: «Помогу-у-у!» – объяснила девочка.

Так и сказала Лариска: «длинно». Тогда, помнится, они убрали неплохой урожай картофеля благодаря сметливости внучки. Говорят, молитвы и просьбы детей быстрее доходят до Бога, потому как они безоговорочно, без оглядки верят в то, что он обязательно услышит и исполнит их желание. Она никогда не забудет тот удивительный, дивный случай.

– А мы еще не расписаны, бабуль, в любой момент могу уйти от Никиты. Никто не удержит! – сладко потянувшись, вернула ее к реальности Лариса.

– Как это? – удивилась бабушка.

– Это называется гражданский брак, – зевнула Лариса, – надо же друг к другу привыкнуть, приглядеться, понять, подходим или нет. Это очень удобно, куда торопиться нам, сейчас все так делают.

– Мы вообще гражданский брак не признавали, внуча, – всплеснула сухонькими ручками бабка Христя, – это ж не семья, нет, не семья! Вот отседова и разводы многочисленные. Укреплять надо семью-то, ягодка моя. Надо, чтоб понимание было, поддержка. Муж и жена должны одни интересы иметь, к жизни относиться одинаково, в одну сторонушку глядеть, тогда только будет крепкая семья. – Бабушка Христя от расстройства чуть не уронила на пол чайник с горячим чаем: выходит, скрывали от нее.

Давеча в вечер, когда собиралась лечь спать, прибежала ее внучка Лариса, злая, растрепанная, и попросилась переночевать. Теперь второй день ошивается у нее. Бабке не жалко перины для внучки, но у той свой дом есть, супруг. Теперь оказывается, Никита вовсе и не муж, а так, хахаль, полюбовник или кто там еще, срам-то какой, аж подскочило давление. Но разве молодых проймешь переживаниями? Она-то думала, что они сбегали и расписались в сельсовете без суеты и шума, раз под одной крышей укрылись.

Внезапно раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошел незнакомый мужчина:

– Здравствуйте, люди добрые! Очень извиняюсь, здесь живут Чуркины?

– Вся перед тобой Христинья Ивановна Чуркина, – досадую, что не вовремя подвернулся чужак, проворчала старушка. – Ты кто будешь-то? Чего-то не признаю.

– И не признаете, – подошел к ней тот, – я приехал из города.

– Ну, проходи в горницу, коли приехал издаля, – все же пригласила бабка.

Мужчина вошел в комнату, кивком поздоровался с Ларисой и присел на стул у окна. Лариса, мельком бросив взгляд, тут же потеряла к нему всякий интерес и снова уставилась в телевизор. Бабка Христя, сложив на животе ручки, выжидательно встала перед ним возле печи.

– Не знаю, как и начать-то разговор, – замылся мужик.

– А ты начни сначала, – улыбнулась старушка, превозмогая головную боль, так не вовремя начавшуюся.

- Христинья Ивановна, вашего мужа зовут Афанасий Анатольевич Чуркин?
- Ну да, Афонька Чуркин, а как же еще?
- Видите ли, я его сын, Анатолий Афанасьевич Чуркин, – встал со стула мужчина.
- Чего? – удивилась бабушка. – Не поняла я что-то.
- Я его сын, – повторил тот.

Лариска посмотрела на него если не с недоумением, то с некоторой настороженностью: мало ли бродит по свету неуравновешенных людей. Но мужчина был серьезен.

– погоди, милоч, у него сыновей-то не было, одни девки, и то все мои, ты путаешь чего-то. Не в ту дверь, однако, постучался.

– Он и сам, возможно, не знает, моя мать говорит, что...

– А ну вали отсюда! – Лариса, резво вскочив с дивана, вытолкнула мужика из дома. – Нечего байки тут рассказывать, жулик какой нашелся!

– Я не вру! Это правда! – уже за дверью воскликнул тот.

Лариса, захлопнув дверь, защелкнула на щеколду. Бабка Христя ничего не успела сказать, она только беззвучно шевелила ртом да всплескивала руками.

– Ходят тут всякие! – девушка прошла в комнату и снова уселась на диван. – Баба, ты почему не закрываешь калитку?

– Детка, разве ж так можно, чего мужика из дому вытолкала? – стала сокрушаться бабулька. – Эко некрасиво получилось, чего он про нас подумает теперя?

– Тебе какая печаль, бабуся? – усаживаясь за стол, сказала беспечно Лариса. – Давай уже чай пить, есть охота.

Сели пить чай. Все как-то неожиданно и неловко получилось, но Лариска, крепкая рослая девушка, совестливыми мыслями долго голову забивать не умела и не хотела, потому сразу же переключилась на неверного, коварного Никиту. А бабушка Христя впала в думку: «Как такое может быть? – недоумевала старушка. – Неужто Афонька на стороне дитятко сварганил? И когда же успел? Будто всегда тут, перед глазами, вертелся», – никак она не могла взять в толк.

После полуденного чая Лариска под давлением бабушки решила все же навеститься домой. Ее еще удивляло и очень обижало то, что Никита не прибежал за нею сломя голову.

– Сходи, дитятко мое, домой, мало ли что может случиться с ним, – уговаривала бабка, – не дай бог запил с горя или еще чего похуже.

Лариса ушла. Старушка перемыла посуду, полила цветы на подоконниках, затем прилегла отдохнуть и незаметно вздремнула. Проснулась, когда шел уже пятый час. Голова будто перестала болеть, это взбодрило старушку. Внучка не пришла, значит, и там, слава богу, все уладилось. Бабка Христя решила сходить до подружки своей, Полины, которая жила наискосок через дорогу: та грозилась невероятной красоты цветок, вылупившийся недавно, показать. Каково же было ее удивление, когда, выйдя со двора, она увидела сидящего на скамье возле ворот того самого мужика.

– Христинья Ивановна, – обрадовался он, поднимаясь со скамьи, – мне ничего от вас не нужно, я только хотел повидаться с отцом.

– А нетути его, – просто ответила старушка, – Богу представился в одночасье.

– Давно? – расстроился мужчина.

– Почитай, четвертый год пошел.

– Не успел, – сказал тот и сел обратно на лавку.

– Ну-ка, милоч, обскажи-ка мне все по порядку, – уселась рядом Христинья Ивановна, – доже мне любопытно, как же такое получилось, навроде дома ошивался пожизненно Афонька-то.

– Я из Улан-Удэ приехал... Месяца три назад тоже похоронил мать. Она долго болела и вот перед самой кончиной рассказала, где найти отца. Я всегда у нее допытывался о нем, а мать говорила, что он давно помер... А история банальная. Он в армии служил. Его часть у

нас в городе стояла, ну они и познакомились. Отслужив армию, отец подался в родные края. Она все ждала, когда он предложение сделает, но не дождалась, потому и говорить не стала ему, что беременна, гордая была. Потом я родился, вот и все дела.

– Вот оно как приключилось, – покачала головой старушка, – но ты не обижайся на отца, истинно не знал он про тебя. Из армии-то вернулся бравый такой. Мы всю жизнь по соседству жили, с малых лет друг дружку знали. Он меня старше года на три, до армии меня шмакодявкой дразнил, а когда вернулся, я уже подросла, он и стал за мной ухаживать, тута мы и поженились. Четырех дочерей нарожали, а он все сына хотел... Как тебя зовут-то хоть?

– Анатолий.

– Толик, значит, – старушка ласково погладила его по руке.

– Христинья Ивановна, расскажите мне про него, каким он был, мой отец?

– Хороший был, светлая душа, доброе нутро. Людям без отказа помогал. Девочек своих любил, внучат. Жалко, что он тебя не дождался. Вот бы для него удивление було! А мать-то замуж опосля пошла, нет?

– Пыталась один раз выйти, да ничего не получилось. Года два прожили и чего-то разбежались, я маленький еще был, толком и не помню, – вздохнул Анатолий. – Видно, крепко отца моего помнила.

Анатолий Афанасьевич, среднего роста, худощавый мужик, одетый по-городскому: в светлые джинсы и красную футболку с умопомрачительной надписью на английском языке, резко отличался от деревенских мужиков. Но самое примечательное было в нем то, что из-под белой полотняной кепки торчал на затылке тоненький хвостик, перехваченный резинкой. Он рассказал, что с женой живут не очень дружно, потому как она считает, что музыкант – это не профессия. А он баянист, с высшим образованием: окончил институт культуры. В последнее время жену раздражает в нем все: и не так выглядит, и не то говорит, и мало зарабатывает, и вообще он не мужик. Дело дошло до того, что собрались развестись, а у них сын. Он, правда, уже взрослый и почти не нуждается в них, но семья есть семья.

– Может, кого на стороне приглядела? – озабоченно спросила старушка.

– Возможно... Профессия у нее серьезная, работает экономистом в крупной фирме, а там мужчин пруд пруди, и все при галстуках, – вздохнул Анатолий.

– Знаешь что, Толик, оставайся у нас. В деревне гармонистов совсем не стало, как помер Андруха-то Патрахин, он последний был. А раньше, бывало, по семь штук гармонистов наяривали на свадьбах. Весело було, по улицам с гармошками ходили до рассвету, песни всякие распевали в три голоса. Девчата в них влюблялися, што ты! – прикрывая рот ладошкой, захихикала старушка. – Мой-то тоже с удовольствием тянул меха. Через это и меня склонил к супружеству.

– Значит, я в отца стал музыкантом? – обрадовался Анатолий.

– А то! Конечно, в отца, в кого же ишо, – согласилась Христинья Ивановна. – Гармошку-то его сохранила, хочешь посмотреть?

– Можно? – заблестели глаза мужика.

– Пойдем в дом, покормлю хоть тебя, – встала с лавки бабка.

Анатолий Афанасьевич оказался хорошим баянистом, отцовская гармонь зазвенела, заиграла в его руках. Заслышав музыку, прибежали соседки, Полина с Павлой. Анатолий развеселился и тут же выдал им плясовую, да так, что ноги старушек сами собой начали отбивать чечеточку.

– Петь хочу – нога кривая,
Плясать – голос не дает,
Я пошла бы к куму в гости,
Да не знаю, где живет! —

приплясывая, запела частушку Полина.

– Ой, девки, бяда!
В нашем переулте
Баба мужа продала
За четыре булти! И-и-их! Их! Их! —

подхватила Павла.

– У меня миленка три,
Три и полагаетси!
Один ходит, провожает,
Два стоят, ругаютси! —

присоединилась к ним баба Христя.

Такой концерт начался, что стекла на окнах зазвенели. Старухи выдали все частушки, какие помнили: и матерные, и всякие; а Анатолий знай себе наяривает на гармошке. Первая устала Христя, года-то не те, а бывало, в молодости могла плясать до утра. Остальной народ еще потоптал ножками и тоже свалился на диван.

– Ну вы молодцы, девушки, – восхитился Анатолий Афанасьевич.

– И-и-и, миленький, разве ж энто пение, гавканье одно, – утирая кончиком платка пот со лба, сказала Полина. – Мы, бывало, соберемся у клубе на репетицию да такие бравые песни затынем в семь-восемь голосов, что ты! И в районе выступали, и в город на смотр самодеятельности ездили, грамоты брали охапками.

– А какие бравые сараханы да кички надевали! Куколками гляделися со сцены. Теперя все по сундукам рассовали да и успокоилися, одна забота: с молью проклятущей воевать, – подхватила Павла. – А какие бусы янтарные носили, в пять-шесть ниток!

– А как назывался ваш ансамбль? – заинтересовался Анатолий.

– То ли «Подснежник», то ли «Шиповник», вот ужo запаматовала, – посмотрела Полина на Павлу, – помоги-ка.

– Сама ты шиповник, – торкнула локтем в бок Павла, – «Багульник» мы называлися! Слышь, гармонист, чё здесь творитси весной-то! Леса наши так и польхают цветом багульника, красота! Прямо будто пожар какой лиловый начался, а черемуха зацветет, так будто белой пеной все в округе забрызгали!

– Да, места ваши чудесные, я любовался, когда ехал сюда. Река очень красивая, с зелеными островами.

– Бравее наших мест нигде не найдешь, милоч! – гордо заявила Полина. – А на тех островах тоже цветет черемуха, вот и посуды, когда в мае начинают кустарники цвести, ты такого еще не видал нигде.

– Обязательно приеду посмотреть. А народу в ансамбле много было? – спросил Анатолий.

– Человек двадцать пять, однако, було, и не ансамбль называлися, а хор, семейский народный хор, – подхватила Христя, – ишо где-то там слово «фонклёрный» вставлялося.

– А мужчин-то в хоре было?

– А кто пить будет? – хмыкнула бабка Павла. – Одни бабы и толкалися, гармонистов Лёньку с Петром не считаю. Они и так при хоре полагаютси.

– Не всегда без мужиков-то обходилися, – перебила ее Полина, – Лёха Фёдоров ходил, Варфоломей пел, бравый голос у него, и энто, как его, Николай Ильич, маленько походил.

– Старика Прохора забыли, он-то как раз до конца развала хора ковылял с нами, – засмеялась Павла, – а вот Христинина Афоньку никак не смогли позвать. Ни в какую не пошел, хотя играл на гармонике не хуже Заволокиных.

– А ты кто такой будешь, паря? – запоздало поинтересовалась Полина, обращаясь к Анатолию.

– Родня моя, племяш, – шустро ответила за него Христя, – Толиком кличут, в гости приехал из городу, с женой у него там нелады.

– А чего ж ни разу не приезжал-то к тебе? Ужо скоко лет живем бок о бок, ни разу не видали яго? – удивилась Полина.

– Где б ты увидала-то? – серьезно возразила Христя. – Ты ж удостоверилась, какой он музыкант хороший, вот и ездил везде нарасхват по концертам, времени-то у него никакого, чтоб по гостям-то шастать, уж я зазывала его к нам.

Анатолий Афанасьевич, смекнув, что Христинья Ивановна не хочет трепать имя покойного мужа, быстро согласился с ней:

– И Афанасий Анатольевич приглашал, но я такой занятый человек, дома даже жена ругается каждый день почти... Дело до развода доходит.

– Девки, раз пошла такая пьянка, давайте чаю попьем и гостя за труды угостим чем Бог послал, – поменяла тему Христя.

– Одним чаем, однако ж, не обойдесси, Христинушка, гость-то у тебя знатный, не каждый день гармонисты пороги обивают, – громко заявила Полина.

Христя ушла на кухню суетиться в знак абсолютного согласия. Потом они долго сидели за чаем. Пропустили рюмочки три винца непонятной окраски и совсем похорошели для настроения на лирический лад. Само собой полились песни: старинные, современные, всякие. Анатолий Афанасьевич заслушался, подперев щеку ладонью, а где и подыгрывал тихохонько на гармошке, и пришла к нему мысль: остаться здесь, возродить семейский хор «Багульник» и вообще заняться культурой на селе. Сыну он не нужен, а жене – тем паче. Семьи путной уже нет, у каждого свои интересы, даже не помнит, когда все вместе собирались за ужином.

– Девушки, – обратился он к ним, – если начнем все сначала, пойдете петь в хор?

– Неужто ты, Анатолий, решил остаться у нас? – быстро сообразила Полина.

– Я подумал...

– И думать не надо, – перебила его Христя, – оставайся, без гармонии шибко тоскливо стало на селе, будто жизнь замерла, нехорошо это. В русских деревнях всегда пела гармошка. Бывало, Афонька к вечеру-то со скотиной управится, руки помоеет, утрется полотенцем старательно, выташит гармонику, сядет на крыльцо и такие душевные песни начнет играть... А я в летнике готовлю ужин, картоху чищу, сковороду маслом заливаю и слушаю. Хорошо... Иной раз ругаешься на него, за день мало чего не бывает, а тут заслушаешься, душа распахнется до слез, и все-то ему простишь, и жалко его так... всех жалко почто-то. Знал он, чем меня брать...

– Афанасий твой Анатольевич хорошо струментом своим владел, такие рулады выдавал, что правда, то правда. А как мы его просили в наш хор походить, всегда отнекивался, паразит, – с досадой промолвила Павла.

– Стеснялся он, – встала на защиту своего мужа Христя.

– Ежели ты у нас останешься, Антоха, мы тебя всегда поддержим и обженим на веселой молодухе, – развеселилась Полина, – а вот насчет петь не знаю... Это ж силы нужны на сцене-то стоять.

– Э, будет вам скромничать, – засмеялся Анатолий, – кто тут плясал да частушки выкрикивал так, что на другом краю деревни было слышно? Кровь-то в жилах играет у вас, ох как играет!

– Кака кровь, одна марганцовка плещется, – возразила Павла.

– А чё, девки, может, и тряхнем стариной, право слово, скушно стало жить, – по-молодому приосанилась бабка Полина.

Старушки вошли в азарт и, перебивая друг дружку, шумно начали обсуждать, кто еще в состоянии ножками перебирать да песни распевать. К концу обсуждения загрустили: ушедших в мир иной оказалось многовато, даже не ожидали. Анатолий Афанасьевич взял в руки гармонь и после небольшого проигрыша запел тихим голосом:

– «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он...»

А за окном неслышно опускались сумерки. Края лесистых гор золотил закат, обещающая завтра ясное теплое утро и жаркий, знойный полдень. Бабушки притихли, внимая музыке. О чем они думали, что вспоминали?..

– «...И сколько нет теперь в живых, тогда веселых, молодых. И крепок их могильный сон, не слышен им вечерний звон», – пел Анатолий Афанасьевич. Когда он закончил песню, Полина, вздохнула:

– Всегда удивляюсь, как человек может сочинить такие душевные песни, где слова-то находит? Без божьей помощи такое не придумать, прям за сердце хватается.

– Оставайся, паря, у нас! На черта тебе твой дымный город с постылой женой? – стала уговаривать Павла. – Вот я к дочке в город съезжу, пробуду еле-еле денька три и вернусь вся больная. Дышать нечем в четырех стенах-то, воздуху не хватат даже на улице. Они ж в говне живут! Уборные в квартирах, все дерьмо по трубам круговоротится! Откуда ж у них здоровье-то будет? Народят по одному ребенку и по поликлиникам да аптекам беспрестанно шастают, а мы по шесть-восемь ребятишков растили, не помню, чтоб кто-то с дитятком в больнице лежала.

– Всю красоту песни порушила ты, Павла, – расстроилась Полина, – очень надо было тебе про дерьмо вспоминать? Что у кого болит, тот про то и говорит. Пошли по домам, заголтелись шибко. Христя, а тебе задание – не отпускай своо гостя, пушай хор для нас создаеть. А ты, Толя, не сумлевайси, все придем: и кривые, и косые, и хромые – все припрутси, увидишь. Шутка ли, хор возобновляется, кто бы подумал! Начальству нашему мы обскажем, оно поддержит. Думаю, обязательно поддержит, а то не дай бог одна пьянь оккупирует деревню-то. Людям душу надо потеревить, послушать.

Был поздний вечер. Бабушка Христя притихла у себя на кровати за занавеской, а Анатолию не спалось. Он открыл окно и обмер. Над рекой висела полная луна. А на том берегу, над темной стеной леса, мерцали звезды. Анатолий, упершись руками в подоконник, высунулся наружу по пояс, поглядеть на небо. Мириады крупных ярких звезд будто опрокинулись на него. Протяни руку – они с хрустальным звоном тихо опустятся на ладонь. Воздух был напоен дурманом трав, черемухи и влажной прогретой земли. Хорошо... И захотелось жить, жить именно в этой деревне, под этой луной, с этими добрыми людьми.

Христинья Ивановна за завтраком снова стала уговаривать его остаться. Она любила мужа Афоню всю свою жизнь, другой любви не знала, потому Толя, от крови и плоти его, был ближе и теплее, чем ее девки. Так, неожиданно для себя, Анатолий Афанасьевич Чуркин превратился в деревенского жителя. Съездил в город, уволился с работы, удивив всех, как-никак в областной филармонии проработал он почти двадцать пять лет, заслуженный работник культуры. Жена не сопротивлялась, а совсем наоборот, даже сходили в ЗАГС, подали заявление на развод. Сын воспринял это абсолютно равнодушно, и Анатолий вдруг остро почувствовал, что в семье, оказывается, давно уже не нуждались в нем. Это открытие его огорчило. «Зато там я буду нужен всем», – успокаивал себя Анатолий, трясясь в стареньком автобусе, курсирующем между городом и селом.

А Лариса, внучка Христиньи Ивановны, наоборот, решила податься в город, окончательно порвав все связи с Никитой, гражданским мужем. По словам бабы Христи, тот скурвился совсем. В деревне постоянной работы нет, времени свободного уйма, вот и запивается

молодежь. Пивной алкоголизм резко возрос, этого добра завалились в магазинах и ларьках. Парням все кажется, что пиво – это только жажду утолить, но это далеко не так, глядишь, уже с одной кружки языки начинают заплетаться. Так и Никита, дружки-приятели есть в наличии, теперь он без пива не может и дня прожить. Стал без повода обижаться, гадости говорить, а то вдруг беспричинно развеселится – не остановить.

– Ты не поднимешь его наверх, а сама скатишься с ним на дно, – вздохнув, сказала бабушка Христинья внучке, – может, и к лучшему, что не расписалась с ним, окаянным.

Родители отправили дочку в город, где тетка устроила ее на работу, к себе в магазин, и заставила учиться в торговом техникуме. В другой раз бабка заскучала бы без Ларисы, но сейчас Толик заменил ее. Он оказался хорошим человеком, похожим по характеру на отца. Глава поселения предложил ему пустующий домик на краю деревни, сказав, что все отремонтирует, покрасит, побелит и через недельку можно будет переехать на жительство. Это бабу Христю совсем не устроило, она твердо сказала, что Анатолий Афанасьевич будет жить у нее, в центре села, недалеко от клуба. Ему удобно, и ей нескучно, а ремонтную бригаду пусть он отправит в клуб и приведет его в надлежащее состояние, ведь теперь у них снова хор запоет, концерты давать будет. Так и порешили.

Как создавался хор – это уже другая история. Анатолию Афанасьевичу пришлось уйму времени, сил и энергии потратить, чтоб голосистых привлечь. Почему-то охотно шли те, кто совсем не умел петь или пел мимо нот. Мужики отказались наотрез, хотя по глазам многих было видно, что петь хочется, но обывательская мораль: «Мало ли чего хочется, да не все сможет!» – крепко сидела в них. Долго пришлось уламывать некоторых. Администрация села очень радовалась этому случаю и, как могла, старалась помочь Анатолию: кого кнутом, кого пряником заставляла идти в хор. Его верные помощницы: Полина, Павла и Христинья – тоже приложили немало усилий, чтобы сельчане всерьез отнеслись к их идее. И вот наконец хор «Багульник» из четырнадцати-пятнадцати человек состоялся. Известно, что аппетит приходит во время еды, народ искренне увлекся пением, стал без опоздания ходить на репетиции, всем нравилось, что у них настоящий, образованный художественный руководитель, а главное – ни одна репетиция не проходила без зрителей. Почему-то сельчане, которые непоющие, сочли своим долгом в обязательном порядке присутствовать при этом и из зала громко давать советы и выкрикивать замечания:

– Зинка, в конце песни долго рывешь! – выкрикивал из зала кто-нибудь со знанием дела. – Все уже закончили, а ты хвоста тянешь.

– Мишк, чего твоего голоса не слышать? – вопрошал очередной критик. – Не халтурь! Нам тут все видно. Пришел петь – пой с душой! На хрена тогда ходить вообще?!

Старушки-веселушки помолодели, похорошели, стали щеки румянами натирать, друг перед дружкой янтарными бусами, шелковыми шальями хвастаться. А тройца наша очень ревновала Анатолия Афанасьевича к другим, они считали, что только благодаря им возобновился хор, и шибко этим гордились.

Особливо была довольна бабушка Христя. Так уж случилось, что и дочка Лена с мужем Димкой Большаковым решили уехать из села вслед за дочкой Лариской. Продали дом, скотину, купили на окраине города домик. Зять Димка тут же работу нашел по специальности, сварщик он знатный. В деревне торкался от случая к случаю, а в городе – нарасхват. Лену взяла к себе кладовщицом сестра старшая, она их и зазвала туда.

– Мама, у тебя теперь сын есть, не в одиночестве оставляем, – убеждала Лена. Надо сказать, что дочерям Анатолий дюже понравился. И то, что он заведующий клубом, руководитель хора, заслуженный человек, добавляло значимости их родне, потому мать доверили старшему брату со спокойным сердцем и укатили в город за красивой жизнью. Анатолий Афанасьевич называл Христину Ивановну исключительно мамой и на «вы», а она его – сынком. Так на старости лет нежданно-негаданно муж Афонька подарил ей сына. А через три года бабушка Хри-

стя, отписав дом с подворьем на Анатолия, ушла в мир иной, к своему Афоньке-гармонисту. Никто из дочерей претендовать на родительский дом не стал, посчитав, что это справедливое решение, ведь Толик рос без отца.

Дай-то Боже, чтоб все было гоже.

Есть только миг

– Эвгения! – послышался тенорок соседа Володьки. – Эвгения! Выдь, чё скажу!

– Чего тебе? – отозвалась Женя, недовольная, что отрывают от дела.

– Ты куда запрятала свово благоверного? – входя во двор, спросил сосед.

– Куда, куда? В санаторий отправила, вот куда! – домывая последнюю ступеньку крыльца, ответила женщина.

Женя насильно отправила Михаила в санаторий. В последнее время он шибко страдал от болей в ногах. Колени болели. Своим нытьем довел жену до истерической нервозности. Та приняла решение потратиться на лечение мужика, хотя была бабой скуповатой. «Мишку подлечить стоит. В хозяйстве еще пригодится, – решила она. – На будущий год надо не трех, а пяток свиней откормить, мясо продать и построить флигелек во дворе для сына Лёньки. Парню уже тридцать пятый год пошел, а он все холостякует. Появится свой уголок, может, девок каких будет приводить, возможно, они и сами попрут к нему. Парень-то что надо! И ростом, и лицом вышел, только вот вялый какой-то, мягкий чересчур, будто из воска вылепленный. А ведь, с другой стороны, упрется, заупрямится, как соседский козел, с места не сдвинешь. Вот паразиты, сели на мою шею! Один тугодум из хворей не вылезит, другой тугодум никак семьей не обзаведется. Но, опять-таки, они роднее родных, любит она их, как же без них-то?»

– Мужшина круглосуточно находился под бдением жены, а тут такая вольница! Голова не закружится от крамольных мыслей, а, Эвгения? – опустил сосед на корточки возле крыльца и закурил, готовясь к долгой беседе.

– Не можешь правильно выговорить мое имя, нечего его трепать! – отрезала Женя.

– Не кипятись, сударыня. Это же красивее, чем просто Евгения. Прислушайся только: Эв-гения! Звучит? Звучит.

– Володька, уйди подобру, а? Не до тебя мне!

– Ну, во-первых, не Володька, а Вольдемар, – смачно сплюнул сквозь щербинку сосед, – во-вторых, амбицию мою не тронь, не люблю.

– Иди ты, какой из тебя Вольдемар! – замахнулась тряпкой на него Женя.

– И пошто вы, женщины, такие мелкотравчатые, а? Не можете поддержать беседу, пофилософствовать про жизнь нашу брнную. С таким именем, как Эвгения, ты должна думать только высоким слогом, так сказать, русского романа.

– Опять с утра пораньше надрался? Ишь, потянуло его на философию!

– Я не пьяный, а хмельной. Хмельной – не больной: проспится, протрезвеет.

– Тебе только бы пить да гулять, да дела не знать.

– Эвгения, ты на харю-то мою не гляди, ты в мою душу загляни, – хмыкнул мужик. – Душа – она завсегда загадочна, и, как бы это ловчее выразиться, много чего есть в ней.

– И чего такое там увижу? – смахнула прядь со лба женщина.

– Утонченные мысли.

– Утонченные мозги! Они у тебя давно расплавились от натуги.

– Женщины никогда не понимали нас, особей мужского пола, и вообще красоту бытия, – вздохнул Володька. – Сообрази маленько мозгой-то: внутри у каждого индивида должна быть своя шкала ценностей. Конкретно.

– Где уж нам, бабам, красоту-то разглядывать, когда хлопот невпроворот. Это ты у нас пожизненно освобожденный от дел мирских.

Володя, мужичок под хмельком, непонятно какой масти, очень любил вести разговоры на разные темы, за что бывал не единожды и прогнан, и бит, но душа его жаждала общения. Он любил философствовать, видимо, и сам тащился от собственных мыслей. А тумачи и шишки воспринимал как что-то неизбежное, особенно от баб. Но при этом себя очень уважал и счи-

тал, что весь остальной люд-народ не дорос до его умственных размышлений, потому он всех великодушно прощал и не обижался. Жил по принципу: если нечего делать, лучше погулять. С полной и несомненной верой доказывал человеку, что тот всю жизнь пахал и фигу заслужил, а он, не напрягаясь, сумел-таки удержать бытие рутинное в его самых основных ценностях. На вопрос, что это за ценности, разводил такую бодягу, что никто не мог въехать в его мозги, чем повергал собеседника в состояние легкой комы, а то и клинической смерти.

– Может, мне за тобой приударить, пока Михаэла дома нету, а? А чё, я мужчина хошь куды! Не смотри, что ростом не вышел, зато в корень ушел по самое пожалте.

– Ха! Осчастливил! За такие предложения Мишка мой даст в торец, три дня тебя со стены соскабливать будут.

– Суетно живете, от того и злые все. Про душу забыли, про Бога...

– Кто б говорил-то! Душа... Где ж она, интересно, расположена у тебя? В каком таком месте? – усмехнулась женщина.

– Понимаешь чё, Эвгения, широта восприятия прекрасного зависит от качества души человека, чуешь? В данный момент моя душа витает во Вселенной. Вот ты, женщина, каждый день драишь крыльцо, вместо того чтоб хотя бы иногда полюбоваться облаками кучевыми на небесах, а то и звездами на небосклоне. Какое удовольствие получаешь от этих бессмысленных телодвижений, уткнувшись носом в доски? Мне это очень интересно знать. Оттого что крыльцо неделю простоит невымытым, рухнет под тяжестью грязи? Что изменится в твоей жизни? Вообще в стране, в мире? Надо смотреть не под ноги, а за горизонт! Так я думаю.

– Уйди, Володька, от греха подальше, пока не огрела тебя мокрой тряпкой! Надоел ты мне своей болтовней, – опять замахнулась на него женщина. Женя, широкая в плечах, с крупными бедрами и ступнями, но неожиданно мелкими чертами лица, деликатностью не страдала, могла свободно пустить кулаки в дело, если что не устраивало ее.

– Грубая ты, Эвгения. Я о смысле жизни, а ты меня тряпкой. В свои сорок семь лет я шибко разуверился в людях. Гармонии в жизни нету. Ты зачем мужа отправила в санаторий, в этот рассадник непорочных дев? Напьется минералки, получит пару-тройку сеансов массажа, и разум его будет испорчен похотью, вожделением. Уразумей мозгой-то.

– Сказанул тоже, – хохотнула женщина. – Какая баба на него глянет? Он же еле по ступенькам поднимается, коленки трещат – за версту слышать. На черта ему этот секс окаянный? Не до жиру, быть бы живу!

– Глупая женщина, в каком веке ты живешь? Наш век – это век коротких встреч, недолговечных увлечений и шибко быстрых разлук. Будешь в ярости ножовку искать.

– Это еще зачем?

– Наставит он тебе развесистые рога, распиливать придется, а то бошку-то оттянет назад, – серьезно промолвил Володька.

– Лжешь, однако?

– Учти, я никогда не лгу, иногда просто недоговариваю. Несмотря на хрусткие коленки, твой мужик статный, породистый, а бабы таких любят. Острейшая нехватка мужчин по причине пьянства и алкоголизма превращает женщин в акул вампиризма. Им без разницы, больной али там увечный. Лишь бы достоинства было в избытке. А у твоего оно вызывает уважение.

– Слухай, сосед, дуй отседова, а! Не кипяти мои мозги! Без тебя тошно!

– Путаны расставили силки свои от Москвы до самых до окраин, имей в виду! – Володька, удовлетворенный беседой, неторопливо поднялся с корточек. Он принадлежал к тем натурам, которым недостаточно просто жить, а необходимо знать, для чего другие живут. Это же как есть вызывает нездоровый интерес.

– Путаны! Слово-то какое поганое, говори уж как есть – проститутки, а то попрятались за иностранными словами и думают, что благородными стали. Грехи свои не попрячешь от Бога, как бы красиво ни обзывались, – проворчала женщина.

– Вот ты тут права стопроцентно! – обрадовался новой теме Володя, собравшись было уходить. – Я абсолютно с тобой согласный. Глянь, чё удумали, убийцу киллером назвали, а этих, как их, грабителей – рэкетирами. Путана, киллер, рэкетир – звучат непонятно, прямо скажем, загадочно, усекаешь? А пацанва необразованная видит в этих словах дух романтики, думает, что это такие деньжастые специальности. Девки мечтают путанами стать, а парни, которые похитрее, в рэкетире идут, а которым ума не дадено – в киллеры, вот до чего мы дожили! Перестройка, язви ее!

– Не говори, – вздохнула Евгения, – все как-то не слава богу. Когда эта перестройка кончится? Нормальным русским языком называли бы их, вот, мол, глядите-ка, эта – проститутка, тот – убийца, а этот грабежом промышляет, вряд ли кому охота была им подражать. В какой-то газете я читала, что на украинском языке маньяка-насильника называют «злыдень писюкатый». Вот это я понимаю! Кому охота писюкатым обзываться?

– Ишо удивляет, пошто по телику бандюганов, которые супротив нашей страны прут, обзывают боевиками!

– Согласна. Это ж натурально бандиты и предатели!

– А знаешь, как болтають наши господа хорошие? «Пришли, мол, к консенсусу» вместо «пришли к согласию»! Гордо так, к кон-сен-су-су!

– Слово доброе «согласие», а заменили чем? Будто уксусу напилися.

– А что за понятие «инфляция»? – вошел в раж Володька. – Ты знаешь, об чем толкуют? Это когда, вместо того чтобы сказать народу, что в этом году с такого-то месяца обнищаете на столько-то процентов, туману напускают на мозги. Чем непонятнее, тем лучше, а то народ завозбуждает, а это уже ни к чему власти держащей. Один – болтун, другой – плясун, вот и кочевряжится вся страна под ними.

– Теперя еще пишут, началась борьба с коррупцией. Это по-каковски? – незаметно для себя втянулась в разговор женщина.

– Вот-вот, об чем я толкую-то! Можно же проще сказать: борьба со взяточниками – верно? Я думаю, это оттого, что стыдно своими словами непотребные дела называть, мол, такой-то министр оказался взяточником или еще какой начальник. А то – коррупционер! Звучит будто «милиционер». В непонятки играют с людьми, так что, Эвгения, держи ухо востро, собьют с путя истинного твоего Миху путанки местного розлива, будешь кулаки кусать по самые локти, – неожиданно закончил свою речь Володька.

– Иди отседова, злыдень! Прямо без подмазки в душу лезешь! – в сердцах пнула ведро с водой женщина, обдав брызгами Володькины выцветшие штаны. – Только нервы мотаешь, тупоголовый!

– Я-то уйду завсегда, как бы от тебя твой Михаэл не убер, – уже за калиткой хихикнул сосед. – Женька, я не тупой, а сосредоточенный, поняла?

– Вот говнюк, пришел, расстроил и ушел! – женщина с размаху шлепнула тряпку в ведро и уселась на ступеньку. – Брехун несчастный! Болты болтать да людей с путя сбивать – вся его задача. Ближко не подпущу больше ко двору.

Прошла неделя, как Михаил уехал на грязь. Женя без усталости хлопотала по дому, не замечая бега времени. Хозяйство большое, приходится целый день крутиться как волчок. Хорошо, Лёнька под рукой, одна ни за что не справилась бы. Шутка ли, скотный двор, орущий на все лады, а кур и гусей и не сосчитать. А как же! В деревне без живности не прожить. Само собой, огород-сад, поле картофельное – все требует хозяйских сил.

– Мамка! – басом окликнул Лёнька. – Гляди-ка, отец, однако, шагает! Вон скрылся за оградой дяди Володи, сейчас покажется.

– Ты чего мелешь? Ему еще неделю отдыхать! Обознался, поди?

– Не! Точно он. В красных спортивных штанах!

– Мало ли у кого штаны красные? – Женя подошла к окну. – Ой, и правда Мишка! Чего это он домой поспешил, не долечившись до конца?

А Михаил уже калитку открывает и во двор входит. Женя не удержалась, выскочила на крыльцо.

– Чего так рано приперся, случилось что?

– Поздоровкайся сначала, как-никак неделю не виделись.

– Ты мне ответ дай, потом будешь здороваться! Деньги на ветер бросил и отвалил? – осерчала жена.

– Узнаю свой дом родной! – хмыкнул Михаил, поднимаясь по ступенькам. – Дай пройти-то. Не торопись, все обскажу толком, не на улице же лаяться.

– Ох, чуёт мое сердце, случилось что-то, – пропуская мужа, запричитала Женя. – Проходи и все доложи как на духу!

– Наградил же Бог командиром в юбке вместо супружницы, и пошто я ее люблю?

Они вошли в дом. Михаил, добродушный увалень, привыкший к ворчанию жены, давно смирился с судьбой. У них темпераменты, по выражению Володьки, «полярно противоположные», поэтому нестыковка в чувствах. Если Женька исходит гневом и костерит мужа на чем свет стоит, Михаил спокоен, как нестриженный баран в знойный полдень, потому что в силу флегматичности до него очень медленно доходит причина недовольства. А когда наконец он понимает, почему, не выбирая выражения, жена отчекрыжила его с головы до ног, начинает возбухать, хотя та давно уже успокоилась, выдав положенную порцию эмоций, и, удовлетворившись, переключилась на другую тему. Скандал опять возобновлялся. И уже никто ничего не понимал, из-за чего сыр-бор разгорелся по-новому. «Клиника», – качал головой сосед в таких случаях.

– Рассказывай! – приказала жена тоном, не терпящим возражения.

– А чё рассказывать-то? – снимая через голову свитер, пробурчал Михаил. Три дня поспал, два дня в бильярд поиграл, еще два дня опять поспал. Дальше чем заниматься, не придумал, потому решил домой утопать.

– Дурень и есть дурень! Отдыхать надо, лечиться! Я тебя для чего отправила? Чтоб ты коленки подлечил, суставы.

– Дык я и пытался!

– Вылечил?

– А хрен его знает!

– Чего так?

– Ты думаешь, что там прямо-таки большой курорт? Как бы не так! Стоит пяток деревянных домов, посередине – столовая, рядом – домик с ваннами, а грязи – в естественном водоеме, и командует всем этим доктор с фельдшерским образованием. Правда, природа вокруг бравая, ничего не скажешь, горы со скалами, тайга, красотень, в общем!

– Ну?!

– Ну и все.

– Коленки, говорю, вылечил?

– Посуди сама. Фельдшер этот, Иван Матвейч, поначалу прописал грязи. Я старательно выполняю его назначение. Сижу в этой грязи каждое утро. На шестой день, проходя мимо, спрашивает меня: мол, сколько ванн принял? Я говорю, вы ж грязи прописали. Он говорит: ничего подобного, с твоим диагнозом надо ванны принимать. Японский городовой! Разволновался я, а он: ладно, мол, успокойся, ничего страшного, пускай тело заранее к земле привыкает. Так и сказал. Юморить-то можно над всеми, но не над здоровьем же, елки-моталки!

– Чего это по-черному доктор шуткует над больным-то? – хихикнула Женя, не удержавшись.

– Я, конечно, расстроился шибко. Плюнул на всю ихнюю санаторию да и подался домой.

– Деньги на ветер бросил! Какие мы нежные, подшутили над нами, а мы все бросили и к мамкиному подолу, слезки утирать! И что за наказание мне: с двумя обалдуями великовозрастными всю жизнь мучиться!

– Я-то здесь при чем? – пробурчал Лёнька и от греха подальше удалился на улицу.

Михаил не спеша стал умываться. Его одолевали совсем другие мысли. Он, не привыкший отдыхать, шибко соскучился по незатейливой деревенской жизни, по женке, по сыну. Дома завсегда хорошо...

Жена ворчливо собрала на стол.

– Садись, лопай! Должен был еще пять дней на готовых харчах погужеваться, теперь ни харчей, ни денег! – не успокаивалась Женя.

Михаил сел к столу и с удовольствием налег на хлеб с салом, заедая соленым огурцом. Аппетитно жуя, полез в карман и выложил на стол энную сумму.

– Что это? – насторожилась жена.

– Остатки денег, – ответил тот.

– Вернули, что ли?

– Скоко дней жил, за столько и заплатил, – прошамкал с набитым ртом муж.

– Издеваешься, да?! – взвилась Женя.

– То есть? – не понял Миха.

– Я тут битый час нервы себе треплю, а ты молчишь! Зарплату никто не платит, прошли те времена! Приходится за каждую копейку хвататься!

– Опять беда неловка. И так плохо, и этак нехорошо. Не угодишь тебе.

– Сказал бы сразу, что деньги целы! Дурной ты, Мишка, ой, дурной!

– Эвгения, чего беснуешься? – возник в проеме двери сосед, как всегда, в состоянии подпития. – Или мужик в подоле приташил? Чего так убиваешься?

– Иди ты! – зыркнула на него Женя. – Ни на полушку совести нет!

– А, Володька, здорово! Входи, входи. Садись к столу, – пригласил Миха.

– Еще чего! – возмутилась хозяйка. – Он тут про тебя всякие непотребные мысли высказывал, а ты его к столу. Чего приперся? Не видишь, мужик только что с дороги?! Устал! Вали домой!

– Грубая ты, Эвгения, прямо скажем, не голубых кровей – не белой косточки. Короче, плейка с парагвайкой, вместе взятые. Подобное высказывание хозяйки считается крайне паршивым тоном, – добродушно промолвил сосед и уселся на лавку рядом с хозяином.

– Налей чаю, – кивнул на него муж.

– Глаза б мои на вас не глядели, – сказала Женя, наливая чай в большую кружку с надписью I love you.

– Успел заправиться уже? – хохотнул Миха.

– Проживающим в сибирских условиях самое благородное горючее для любого механизма и организма – это водка, – многозначительно промолвил Володька, приступая к чаю. – Могла бы ты, женщина, налить чего и покрепче по такому случаю. Как-никак твой муженек возвратился в целостности и сохранности с мест более чем опасных в эротическом смысле слова. Сохранил девственность, Михаэл?

– Еще чего! Водку ему! – замахнулась на него полотенцем Женя.

– На нет и суда нет, разве ж я против? – непроизвольно дернувшись, миролюбиво согласился тот.

– Чего нового в нашем округе? Рассказывай, – попросил хозяин.

– Понимаешь, в чем дело, Михаэл, все было у всех хорошо, только одна беда: хорошо бы, чтобы хоть что-то происходило, какой-никакой сюжет наличествовал, страсти итальянские кипели в деревне. Остается только философствовать на тему «ах, зачем я на свет народился, ах, зачем меня мать родила?», причем в муках, отсекаешь?

– А по мне, так пусть все идет, как идет. Чтоб спокойно засыпать под ворчание женки и просыпаться с удовольствием у нее под мышкой.

– Э, не-е-ет! Это философия обывателя с умственными способностями ниже колена. Надо жить высокими идеями, хотя бы в башке. Это, знаешь ли, возвышает тебя самого в твоих же глазах. Эдак вытаскиваешь из глубины подсознания сияющую мечту о невиданном и неслыханном, лежишь, смакуешь, и ощущение, будто сам там побывал. Очень уважаю подобные моменты в своей судьбе... неказистой.

– Что же будет, если все ляжем и начнем мечтать? От голода животы распухнут, – не согласился Михаил.

– Я прожил довольно долгую жизнь и скажу тебе, что каким-нибудь образом желудок был всегда в порядке: сыт и даже слегка пьян. Не трудясь! Во как! А что с того, что ты каждый день копошишься в своем, мягко выражаясь, муравейнике, по кусочку, по глоточку что-то тащишь в нору, иногда рожает детей, а она в своих основных проявлениях мчится мимо, как карт на гоночной трассе. То есть параллельно идет. Ты – своей дорогой, а она – рядом, яркая, возбуждающая, головокружительная, но рядом! Усекаешь, тебя там нет? Вот где горчинка с перчинкой в биографии!

– Не дотумкал чего-то я. Кто рядом несется? Гоночная машина, что ли? А на хрена она мне? Окромя скорости, чего хорошего в ей? Ни дров, ни навоза, ни жены не свозишь никуда, да и посадка низкая. То ли дело моя! Сяду за руль – душа поет. Не гляди, что кузовок небольшой. Смекаешь, и поленицу дров могу накидать, и десятки мешков картошки сложить, что ты! Ладная машина, каждый раз радуюсь, что тогда рискнул потратиться на нее.

– Михаэл, твое непонимание высокого вызывает недоумение и даже негодование, – глянул с сожалением на него Володька, – хотя, вообще-то, у тебя шибко простое, открытое лицо, не подпорченное интеллектом. Твое сознание малость сужено сомнительной пропагандой социалистических идей типа: «Кто не работает, тот не жрет» или, там, «Без пруда не выловишь и рыбку из него».

– А как же! Ты хотел, не нагнувшись, рыбку поймать? Не старайся, не получится. До ветру и то, не нагнувшись, не сходишь. Я так понимаю, чтобы жить хорошо, надо работать. Деньги из одного кармана в другой сами по себе не перекачуют, чуешь?

– Не возражаю, твой «хондец» молодец!

– Какой хондец? – не понял Миха.

– Грузовичок твой японской породы по кличке «хонда»!

– А-а-а... ну!

Володька, отпустив порцию витиеватых мыслей, заскучал. Михаил хоть и неплохой мужик, но ему до разговора о высоких материях как до Луны.

– Ладно, пойду я, – сказал он. – Тоскливо чегой-то мне. Скушно...

А назавтра Володька помер. Лег спать и не проснулся. Односельчане будто даже и не удивились. Что с Володьки возьмешь, выпендрож ни к чему хорошему не приводит, но постарались устроить всем миром достойные похороны. Даже пригласили из соседнего села батюшку для отпевания. Поминки богатые устроили. Хорошие слова говорили, хотя с трудом верилось, что Володька на самом деле умер. Всем казалось, что завтра он опять будет всех доставать своей нескончаемой философией.

Через неделю Женя, домывая крыльцо, неожиданно для себя расплакалась. Она остро ощутила безвозвратность уходящих дней. Жил себе человек, не тужил, и вдруг раз – и нету его. Где он? А нигде. Нигде, и все тут!

Миха в память соседа стал иногда под хорошее настроение называть жену Эвгенией, та не возражала.

Замысел старика Максима

Надумал дед Максим жениться. Надоела ему холостяцкая жизнь. Лет шесть прошло, как умерла бабка. Годы пролетели незаметно, как пули у виска.

В народе говорят: если мужик помер, женщина становится вдовой, если жена уйдет в мир иной, мужика женихом кличут. Вот Максим и засиделся в женихах. Невест-то в деревне тоже осталось – по пальцам пересчитать, но худо-бедно выбор еще был. Даже смотрины промеж ними можно устроить.

«Как про то культурно выражаются? Ну, ишо по телику показывают, кады худосочные девицы с ногами как у цапли ходят туды-сюды, нацепив на себя всякие тряпки. Ноги длиннющие переставляют забавно, будто через порог перешагивают.

Памяти совсем не стало, год от года все хуже. У Афони, дружка, надо спросить. Тот чуток помоложе будет, года эдак на три, башка-то посвежей у него. Да и мыслью про женитьбу надо ему обсказать, чё полезное посоветуеть. Вдвоем-то легче провернуть это дельце, никак вся дальнейшая жизнь решается. Ошибешься с выбором, свету белого не взвидишь. А на старости лет на черта ему страсти-мордасти мексиканския? Что от бабы требуется? Чтобы блины пекла, избу в чистоте держала, одежду стирала да много не болтала, ну, само собой, чтоб на сторону не бегала. А как же? Нонче паскудные какие-то девки пошли. Вон по «ящику» каждый день про них рассказывают. Куды хошь и с кем хошь якшаются. Тьфу! Из них тоже со временем старухи получаютя. Вот и пойми-разбери. Можя, какая заделалась будто путной старухой да засела в их деревне. Ишь как дачники застроилися! Была деревенька в тридцать дворов, теперича и не посчитаешь, скоко улиц. А все потому, что на берегу Байкала живем. Так что все может быть тутя, гляди в оба, – размышлял неторопно старик. – Как-то чудно обзывают таких девок-то, – хмыкнул про себя. – Вспомнил, путана, что ли? Это с какого слова переиначили? Путная, чё ли? С чего она путная, ежели с мужиками без разбору путается? А можя, от слова «путается» и получилася «путана»? Сама путается и мужиков путает, с путя праведного сбивает. У кобелей этих и так в башке путаница, от их избылиия. Вон по телевизору гляди – не хочу. Пустьят их по одной половине друг за дружкой, мол, зырьте на нас да и соблазняйтесь. А на чё смотреть-то? Ни сисек, ни попок, ничего другого. Путная баба должна быть округлой формы, мягкая, как сдобная булочка. Я-то в молодости знал в них толк», – мысли, обгоняя, перескакивая и путаясь, вертелися в голове у деда Максима, пока он латал носки.

Тяжело стало одному огород содержать и за скотиной ходить. Баба нужна в доме. Его супружница, царствие ей небесное, редкой души была женщина, такую уже и не сыщешь. Да уж, теперича не до хорошего. Лишь бы не злая была, нешто придется на калитке фанерку вешать: «Во дворе, мол, злая баба». Срамно! Думы старика прервал зычный голос соседки Дарья:

– Максим, ты дома али подох уже?

– Живее всех живых! Чего тебе? – высунулся старик в открытое окошко.

– Пошто тихо сидишь? С утра тебя не видать. Не толкешься во дворе-то?

– Потолкалси ужю, пока ты дрыхала дома.

– Я с шести утра на ногах! Напраслину не возводи!

– А я – с пяти утра. Чуешь разницу?

– Старый уже, вот и сон тебя не берет.

– Да ить с какого боку поглядать. Для девок, конешно, староват, а для старух, как ты, я ишо мужшина хошь куды!

– Старый хрен ты, а не мужшина!

– Э-э-э, не скажи! Жениться вот надумал. Хватит в женихах-то ходить. Дарья, пойдешь за меня замуж? Несмотря на твою агрессию, заявление тебе делаю официальное. Кавалер я ишо тот! За бока пощипать завсегда могу.

– Ухажер нашелся! Бока от живота отличишь ли? Глаза есть, а гляди-то уже нету. Но предложение, конечно, лестное делаешь, надо подумать.

– Долго не думай, другие подберут.

– Жених ты богатый. Вон девять кур да два поросенка по двору бегают. Одно не уразумею: куда Гриньку-то свово дену?

– А мы его к Нюрке Гороховской толкнем. Баба пожизненно одна кукуеть.

– А чего сам к ей не приткнесси?

– На хрена она мне сдалася? Мы с Нюркой одного дня не уживемси. Покалечим, прости, Господи, друг друга – и проект мой насмарку.

– Ох какой ты! Себя-то жалешь, а Гриньку мово не жалко?

– Дык он у тебя молчун, как поломатый трактор. С любой сладит!

– Сам-то чего ко мне приладиться хочешь?

– Ты баба веселая, с юморком. Хозяйство содержишь справно, себя блюдешь. Пожизненно соседствуем, не видал, чтоб на свово мужика орала, чего про других не скажешь. Очень ценное явление.

– Максима, неужто и всерьез надумал жениться?

– Надоело одному. Иной раз не с кем словом перекинуться.

– Я ж тебе про то давно говорела. Легко ли одному хозяйство содержать? Правильно, женись. Старух одиноких много. Наша кума Нина Ивановна одна томится.

– Не! Боюсь ее! Шибко образованная, на меня не глянет. Мне б кого попроще. Однако имей в виду, можа, чё и подскажешь. Вон твой молчун на горизонте объявился, сюды глядит.

– Обедать пришел. Ладно, пойду я. Ты, Максим, не переживай, бабу тебе подыщем.

– Обнадежила.

Дарья ушла домой, кормить своего мужа Гриньку.

– А, вспомнил! Шагающих длинноногих называют «показ моды». Точно! Вот бы всех одиноких старух собрать да вместе с Афоней устроить этот показ моды. Пускай из своих сундуков наряды нафталиновые повытащут, разоденутси да и пойдут по одной доске. Вот потеха, – от мысли, как Нюрка Гороховская будет ковылять перед ними, старика разобрал смех.

Максим всю ночь ворочался в постели, перебирал в уме местных старух, но так и не разобрался, к кому же все-таки пойти свататься. Утром, покормив орущую живность, пошел к Афоне. Одна голова – хорошо, а две – лучше. Будем вдвоем про женитьбу кумекать, решил дед Максим. Он уважал друга за сметливый ум. Про что ему не обскажешь, завсегда найдет выход да так ловко дело повернет, что опосля думаешь: пошто сам не додумалси до мысли такой?

Друга он нашел за сараем. Тот колол дрова для баньки.

– Какая нужда с утра пораньше тебя погнала? – спросил он вместо приветствия.

– Здорово, Афанасий, – сдержанно поприветствовал старик. – Дело сурьезное надумал. Без твоего совета не обойтись.

– Говори зараз, – заинтересовался Афоня, откладывая топор в сторону.

– Надоело мне одному жизнь прожигать. Трудновато стало, да и вообще...

– В свахи, значит, зовешь меня? Понимаю. Засиделся ты в девках, – подтвердил старик, – дело благородное, полезное, можно сказать, приятственное. Трудностей никаких пока не вижу, хотя сваха чужие грехи на свою душу принимает.

– Ну как же! Все же дальнейшая моя судьба решается, тут себя сапером ощущаю. Ошибусь – хана мне, – закуривая папиросу, сказал Максим.

– А башка на что? Приглядимся, чтоб не ошибиться. Объект большой, – важно изрек Афоня, – выбор достаточный, а это главное. Тяга есть?

– Кака така тяга? – удивился дед Максим.

– Сердце чего-нибудь подсказывает, нет, спрашиваю? Старух-то полно, к кому-то из них должно тебя маленько тянуть.

– Энто меня и беспокоить. Нету тяги, нету, хоть криком кричи, – сокрушенно покачал головой старик.

– Худо дело. Придется тебя насильно женить. Факт!

– Того и боюся. Незалюбится – хана мне.

– Хана, хана, заладил как сверчок. Я ж тебе не про любовь индийскую говорю, со слезами-соплями. С кем-нибудь из баб бывает тебе приятно побалакать?

– С Дарьей, моей соседкой. Хорошая она, обо мне всегда беспокоится.

– Типун тебе на язык! У нее ж Гринька есть! Молчун, молчун, а прознает – не жить тебе на белом свете. Враз тебя, сморчка, задавит, – забеспокоился дружок, – ишь, чего надумал!

– Не суетись, никто не собирается ячейку эту разбивать. Я говорю, мне примерно такую бабу, как Дарья, с юмором.

– С юмором ему! Где ты видал, чтобы баба дома юморила? Все они на один крой! А ну поди сюды! Чего подслушиваешь чужие разговоры? – Афоня погрозил пальцем своему внуку Саньке. Тот, озорно поблескивая шкодливими глазенками, вышел из-за сарая. – Тащи дрова в баньку, нечего баклуши бить!

– Да ладно, дед, никто разговор не подслушивал, но я знаю, как помочь дедушке Максиму, – сказал важно Санька, набирая охапку дров.

– Цыц, мал ишо советы давать! Иди в баню! – грозно заворчал дед.

– Пойду в баню! – засмеялся Санька и ушел.

Старики в задумчивости помолчали, покурили, пока Афанасию не пришла в голову путная мысль.

– Надумал я вот что, – философски изрек Афоня. – Я буду перечислять всех одиноких старух, а ты будешь прислушиваться к сердцу, можа, ёкнет на ком. Как ёкнет, останавливай меня, будем пульс твой щупать.

– Выхода нет, вали, перечисляй, – вздохнул обреченно Максим.

– Откель начнем, чтобы никого не упустить? – деловито спросил Афанасий.

– Думаю, пойдём от твоего дома. Ну, начинай, дохтур!

– Резон есть. Так, через дом живет Нина Ивановна, кума Дарьи.

– Не! Сразу говорю! Шибко ученая, не по моим мозгам.

– Согласен, не пара ты ей, дурачком себя будешь чувствовать остаток жизни. Факт. На той стороне улицы, через три дома кукует одна Евдокея. Баба толковая, хозяйство у ей справное. Корову держит, курей, поросю, три вредные козы имеются в наличии, лезуть куда ни попадя. Всю округу напрягают террористы! На хрена она нам с тремя разбойниками, а? Как ты думаешь? Али ёкнуло в грудях?

– Да вроде организм молчит.

– Ну и лады, идем дальше. С краю улицы стоит халупа Нюрки Гороховской. Тут я тебе не враг, сам не советую. На черта она нам сдалася, карга старая?

– Очень даже с тобой согласный. Небо с овчинку покажется под одним кровом-то с ней. Хуже собаки, один ор!

– Тут у нас с тобой полное единомыслие. Идем дальше. С этой стороны обитает в одиночестве Варвара. Правда, сын у ей беспокойный.

– Дуй дальше, обойдем ее дом стороной.

– Рядом живет Фоминишна. Тихая благообразная старуха, но тебе не советую ёкатся, шибко старовата, даже для тебя. Переходим к задам. За огородами расположилась Мирониха. Три года, как вдовой заделалася. Срок солидный, можно и о замужестве подумать. Не торкнуло?

– Есть маленько будто...

– Закрепи, опосля обсосем ее кандидатуру со всех сторон, то ишь все ее достоинства и недостатки наголяк обсудим. Идем дальше. Там же живет Никитишна, бывшая бухгалтерша

бывшего колхоза «Красная заря», то бишь нашего с тобой родного колхоза, павшего в одночасье. Объективности ради надо сказать, что она, беспредельно владея финансами, немало кровушки у нас, простых колхозников, попила. Я прав?

– Не то слово. Скупая, каких свет не видывал.

– Но, учти, богатая вековуха. Дом – полная чаша. Сейчас очень даже приветствуются браки по расчету.

– Куды меня толкаешь, дружок? Она ж мне лишнего стакана воды не даст. Лучше помирать лягу возле колодца.

– И такое может быть. Ладно, будя, неча зариться на чужое богатство. Ну а дальше дачи пошли. Там пожилых-то полно, но кто бы знал, которая одинока, которая с мужиком. На неприятности можно свободно напороться со сватовством-то. Факт!

– Не хотелось бы. Лучше своих прощупать в смысле желания замужества. А ты почему Клавку не назвал? Верку-почтальоншу не упомянул? Они ж тож одинокие.

– Губа не дура у тебя, Макся. Бабы лет на двадцать тебя моложе! Об чем ты болтаешь? Клавдея тебя близко не подпустит. Она давно по Яшке Кобылкину сохнет. Не знаешь, чё ли? Все знают, а ты один не знаешь! Дурень! А Верка тебя своей сумкой кирзовой шибанет, враз протрезвеешь от всяких крамольных мыслей.

– Ладно, чего разорался-то? Это я так, к слову. И пошутить нельзя.

– Шутки у тебя! Хочешь народ рассмешить, сам посрамиться? Надумал жениться, женись благопристойно, чтоб все было чин чинарем. Никаких там сексов или того хужей!

– Чего так за меня беспокоисси? Не пойму. Суетисся, будто сам собрался жениться. Ты добра ищи, а худо само придет, не заржавеет.

– Небось, за твою репутацию беспокоюся. Друг я тебе али портянка?

– А чего тогда хочешь меня старухам сплавить? Можя, я к молодухам тягу имею? Можя, мой организма того требует?

– Твой организма покою требует. Восемьдесят семь процентов износу!

– Чего на три процента поскромничал? Округлил бы уж до девяноста!

– Все же дружок ты мой, совести не хватат тебя в утиль списать. Вот энти тринадцать процентов для радости души оставляю тебе. Недоволен?

– Маловато для радостей. Все ж организма живой, счастья требует положенного.

– Нам, старикам, шибко счастливыми быть нельзя. Опасно.

– Чего так? Не живые человеки, чё ли?

– Помереть можем от избытка счастья. Нам покой нужен. Чтоб все равномерно було. В прошлом годе, весной, Семён помер, помнишь?

– А как же.

– А причина?

– Лед на речке проломился под ним, чуть не утоп, простыл, видать.

– Только в сиську пьяный может утонуть в нашей речушке. Он-то тверезый был, как я сейчас. Остыть не успел, вытащили тут же.

– Ну и отчего он помер, по твоему уразумению?

– От счастья, что живой остался. Шибко обрадовался, вот сердце и не выдержало. Сосватаем тебя за молодуху, а ты вдруг возьми да и обрадуйси. Организм перенапряжется и расслабитси. Вот Богу душу в один момент и отдашь. Я этого тебе никак не желаю, понимаешь? Век наш короток, заесть его недолго.

– Как-то ты так гладко умеешь мост возвести, что и сопротивляться резону нету. Умный, чертяка!

– Что есть, то есть, – сдержанно согласился Афанасий.

– Ну дык чего дальше-то делать будем, а? Дело-то мое застопорилось. День меркнет ночью, а человек-то – печалью.

– Не паникуй на пустом месте! На ком у тебя сердце-то ёкнуло?

– Да уж и не помню.

– Я ж тебе наказал не забывать, горе ты луковое! Опять придется пофамильно теревить старух, будто дел других нету.

– Тебе как другу доверилси со своим жизненно важным замыслом, а ты отмахиваеесси, будто я муха какая надоедливая, будто у тебя дел невпроворот.

– Ты чего, как красна девица, обижаеесся? Женихом заделался, так нервы, чё ли, обострились, слово не скажи?! Ну, давай по новой перечислять!

– А ты как думал?! Нервы натянуты что твоя тетива. Не компот варим, а судьбу мою горемышную решаем.

Переругиваясь, старики снова прошлись по одиноким старухам. Но, как назло, у деда Максима сердце молчало как партизан. Уже по третьему разу перечислили всех, но оно ёкать никак не хотело.

– Да, промблема! Я так скажу: сегодня не твой день, видать. Энтю дело надо отложить до завтра. И память сопротивлятси, и склероз тебя одолел. Прощевай! – устало промолвил Афанасий.

Расстроенный дед Максим потопал к своему дому. И вправду день сегодня не заладился. Три куриных яйца котяра Федька-разбойник раздавил прямо в гнезде. Чушка в огород пролезла, гряды с морковкой потоптала. Хорошо, Дарья вовремя увидела, прогнала, а то бы все разворотила там. Вечером корова номер учудила: не вернулась с пастбища. Все возвратились, а егошня – нет. Пошел искать. Все ноги исходил. Расстроился шибко. А она уже дома, как ни в чем не бывало жвачку жует и ластится. И не рассердишься на нее, кормилицу. Подоив корову, выпив кое-как чайку с творогом, лег на кушетку и стал думку думать. Про женитьбу, конечно.

– Стоит ли? – уже который раз за день задавался вопросом дед. – Опять же, и ноги худые стали, и сердце пошаливат, и одышка, черт бы ее побрал. Да и худо стало одному сутки коротать. У всех свои заботы, до меня и дела нет никому. Не ровен час, чё случится, а ты и бойси. Помрешь, не покаявшись, слова не промолвив. Нехорошо, не по-божески.

Проснувшись спозаранку, дед Максим все же окончательно утвердился в мысли, что жениться необходимо. Седни с Афонею конкретно надо решить, на ком. Хватит сумлеваться. Жениться – и баста!

Проделав все домашние дела, дед решительно зашагал к другу Афоне. Проходя мимо магазина, который все называли «дежуркой», потому что он функционировал круглосуточно, старик увидел небольшую толпу в количестве трех человек. Они весело и громко о чем-то шумели. «Толпа», увидев его, враз замолчала и с любопытством уставилась на старика, как на диковинку какую.

– Чего шумитя? – бодро спросил дед.

– Максим Матвейч, ты взаправду решил жениться? – хихикнула продавщица Любка. – Во даешь! Молодец, дед!

– А ты откель знаеешь? – удивился старик.

– Вона буквы знакомые, вот и расшифровали, – весело отозвался Володя, Любкин хахаль. – Прочитали как-нибудь!

– Об чем ты? Не пойму.

– Дед Максим, ты, оказывается, мужик современный, объявления пишешь, никого не стыдишься. Молодец! – рассмеялась Верка-почтальонша. – Давай подсоблю тебе, дело-то деликатное. Переписки твои буду таскать, скажи только, кого выберешь!

– Так тебе и сообщил! Одно не пойму: откель вы про то узнали?

– А вот это что? Разве не ты написал? – указала Любка на большой белый листок, висящий возле двери магазина. – Тут все подробно отписано!

Старик подошел поближе:

– А ну-ка, прочти, чего там накалякано, без очков не вижу!
– «Объявление. Внимание! Ищу добрую женщину пожилого возраста, без вредных привычек. Хочу жениться!!! Три восклицательных знака, – громко прочитала Любка. – Хозяйство мое крепкое. Вредные привычки есть: курю, по праздникам выпиваю немного с дедом Афанасием. Кто заинтересовался, прошу написать по адресу: улица Заречная, дом два. Теплякову Максиму Матвеевичу». Все верно, адрес твой!

– Это кто же такой добродетельный постарался? – возмутился дед.

– А кто же, если не ты? – продолжала веселиться толпа.

– За кого вы меня принимаете?! – рассердился старик. – Разве ж я на старости лет могу себя компроментировать? Мозги в башке ишо копошатся мало-мало. С ума-то не свихнулся вовсе.

– погоди, дед, не возмущайся. Давай прикинем, с кем ты делился мыслью-то своей, – перестав смеяться, спросил Володя.

– С кем, с кем! С Афоней, с кем же ишо!

– Может, дед Афанасий подшутил? – округлила глаза Любка.

– Не должен вроде... Он мне друг. Сто лет его знаю, чего бы меня на посмешище выставил? – не согласился старик. – Ну и Дарье в шутку сказал. Но она женщина сурьезная, таким безобразием заниматься не будет. Чует сердце, кто-то другой постарался.

– Дед, если есть у тебя такое намерение, пусть объявление висит. Может, какая-нибудь бабка захочет с тобой судьбу связать, – жарко зашептала Любка.

– Убери бумагу, пока никто не увидал! Нечего меня позорить, – заворчал старик.

Любка нехотя сорвала объявление и, скомкав, бросила в урну.

– Дед Максим, а все же я подмогну тебе с женьбой-то, а? Устное объявление буду давать, согласен? – участливо спросила Верка-почтальонша.

– Забыли! Все! – сурово отчеканил старик и пошел своей дорогой.

«Кто же учудил такое? – мучительно соображал дед. – Не Афоня же! Чего он меня будет срамить? Дружок все же...»

Афоня Христом Богом клялся, что к этому безобразию никакого отношения не имеет. Серьезного разговора у них не получилось, и Максим в расстроенных чувствах направился домой, решив, что после такого публичного позора не стоит начинать новую жизнь. Ему стало легче на душе, будто камень какой с плеча свалился. Большой такой булыжник!

Он открыл калитку, и первое, что увидел на крыльце, – дремлющую Нюрку Гороховскую. От скрипа старуха проснулась и сварливо проворчала:

– Где тебя черти носят?! Два часа сижу, дожидаячи! Устала, мочи нет!

– Здорово, Нюрка! Чего приперлася? Случилось что?

– Это у тебя случилось! Зови в дом, не на крыльце же женихаться!

– Чего?!

– Зараз ко мне пришел бы да и обсказал, что хочешь на мне жениться, чего бумаги-то марашь? Постыдился бы людев, смутьян ты этакий! Мозги набекрень!

– Ты об чем? Солнце твою бошку напекло ли, чё ли? Али во сне приснилось?

– А кто на моем заборе бумажку повесил, мол, хочу жениться? От меня не отвертисся. Согласная я, чего уж! Будем вместе горе мыкать на старости. Я к тебе перееду. У меня хата похужей твоей будет, да и хозяйства – кот наплакал. Живности у меня, кроме пустобреха Шавки, ничаго нет. Самовар возьму да зараз и перееду!

– Нюрка, погоди! Послухай!

– Пойдем, подмогнешь мне! Где у тебя тележка навозная? Тащи ее сюды! Сподручнее будет скарб мой переть! Ну, чего стоишь, как истукан?!

– Не нукай, не запрягла ишо! Вали отседова, старуха! Никаких бумаг я не писал!

– А это что?! – Нюрка вытащила из необъятного кармана выцветшего фартука клочок бумаги и грозно потрясла перед опешившим дедом. – А?! Не брешь, меня не одманешь! Тута и твой адрес есть, и твое имя есть, понял? Это дукумент! Не отвертисся от меня, козел лысый! Ташши тележку!

– Нюрка! Уйди от греха подальше! Уйди! Не дай на старости лет на убивство пойтить. Я сейчас на все способный! Через минуту нервы у меня кончатся!

– Окстись! Старый таракан! Сам меня позвал, теперя раздавить хочешь? Да я на тебя милицию натравлю! – бабка резво выскочила за калитку. – Чисто бандюган! Так просто не сдамся! Я из тебя все жилы вытяну! Ишь, убить меня хочет! Сам дурак! Жених поганый! Женилка в курагу усохла, а туды же! Сексу захотел? Смехота! – крича всяческие витиеватые ругательства, Нюрка скрылась за оградой. Шибко расстроенный дед в сердцах пнул петуха, неосторожно оказавшегося рядом, исключительно сочувствуя хозяину. Птица, возмущенно отскочив, удалилась презрительной походкой.

«Что же получается? Значит, не одно объявление распространил по деревне доброжелатель гадкий. Если все бабы начнут ходить и требовать женихательства, организм даст сбой, не выдержит, – сокрушенно думал Максим. – Однако надо шустро действовать. Ладно, деревню обойду, силенок хватит, а ежели на дачах ишо бумаги повешаны, тут одним днем не обойдесси. Ой, дурная голова! Не было печали, так черти накачали. Какого хрена вдруг надумал жениться? Жил себе и жил. Никого не трогал...»

Его мысли прервал окрик Евдокеи.

– Эй, старый хрыч! Ты чего меня срамить надумал? Я те покажу жениховство! – Евдокея, размахивая в одной руке бумагой, в другой – палкой, грозно ворвалась во двор.

– погоди, погоди! Я тебе сейчас все обскажу! – дед опасно привстал с крыльца.

– Ну! Обсказывай! Мозги помутилися? Я те враз этой палкой просветлю их.

– Евдокея! Не горячись! Моей вины тута нету, запомни! Не я писал. Вот теперича мучаюсь, понять хочу, кто мне таку свинью подложил.

– Да неужто? – подозрительно вскинула брови старуха.

– Дуська, ты меня сто лет знаешь, с чего ли врать-то буду? – дед горестно вздохнул.

Ему так стало жалко себя. Полдня – коту под хвост. Чем он занимается, вместо того чтобы в огороде копать? Вон грядку морковки прополоть надо, огурцы не мешало бы с утра полить. Куры уже проголодались, укоризненно поглядывают на него.

– Верить, нет, Евдокея? Измучился вконец. Поймать бы этого шкодника.

– Ладно, Максим! Вот теперь верю. Вижу, шибко смурной ты и выглядишь, будто горькой редьки объелся. Думаю, что найти проказника можно. Пспрашаю у соседей, кто-то все равно видел. Ты не скисай! А можа, чай пить ко мне пойдешь? Вчера пирог испекла рыбный, – участливо спросила Евдокея.

У Максима от такой ласки даже что-то в грудях ёкнуло, но он зараз подавил эту непонятную тепловатую волну и не дал развиваться радости:

– Благодарствую, конечно, за приглашение, но мне некады по гостям шастать. Видишь, куры не кормлены, огород вянет.

А найдешь того, кто мне напакостил, – буду очень даже рад. Самосуд над ним учиню. Мучения кончатся, можно и про пироги подумать. В данный момент я нахожусь в глубоком переживании, – старик, повернувшись, гордо удалился в сени.

Ошарашенная пышной речью деда Евдокея в задумчивости вышла за ворота. Тем временем друг Афанасий времени зря не терял. Он решил во что бы то ни стало найти этого борзописца. Подозрение пало на внука Саньку. Шибко прытко с утра по дому носился. В глаза не глядел, норовил мимо невидимкой прошмыгнуть. Это неспроста. Чего-то нашалил. Одно дело – догадаться, другое – поймать внука. Битый час пытался дозваться. В самый нужный момент исчезал с горизонта. А время не терпело. Нужно было срочно узнать насчет количества объ-

явлений. А то набегут на Максима, на смех поднимут, у него сердце и не выдержит, получит «инфракт», и капец. Паралич шибанет его, кто за ним будет ходить? Жениться-то не успел! Афанасий обошел всех дружков Саньки, на берег озера ходил, где обычно ребятня купается, даже в пустую школу заглянул, а когда уставший вернулся домой, Санькина лохматая голова торчала в дверях сарая. Старик, забыв про усталость, проворно подскочил к сараю и закрыл дверь.

– Так, попался, поганец! Ну-ка обскажи про свои проделки!

– Чего? – притворно удивился Санька. – Дед, о чем спрашиваешь? Я не понял.

– Счас сыму ремень, враз поймешь! Ответь как на духу! Это ты, сорванец, объявления про женитьбу накалякал?

– Я же из хороших соображений... Деду Максиму помочь хотел, – захныкал Санька. – Нынче все так делают.

– Тебя, шалунишку, просили? Ты чего не спросивши инициативу проявляешь, а? Старика опозорил на всю округу! Быстро ответь: скоко бумаг развесил и где? – грозно постучал по двери Афанасий. – Скажешь – выпущу!

– Пять!

– От удружил, так удружил! А ну выходи отсель!

Санька, с опаской поглядывая на деда, вышел из сарая. Увидев, что его ягодицам ничто не грозит, обрадовался:

– Дед, сейчас все так женятся. Даже в газету объявления пишут. Я ж только по деревне развесил. Старался...

– И где ж ты повесил их? – крепко схватив внука за ворот рубахи, спросил Афанасий. – Немедля сознайся!

– На магазине, на заборе бабки Нюрки второе повесил, третье – бабке Евдокее повесил на еёшной калитке, четвертое объявление хотел на двери Нины Ивановны приклеить, но побоялся. Она, знаешь, какая строгая?

– Дальше перечисляй! Куды остальные девал?!

– Думал, думал, куда остальные приклеить, вдруг увидел дядю Митяя. Он ехал на своем тракторе с тележкой. Вот я на тележку сзади и прицепил, будет ехать и все прочитают. Это лучше, чем на заборе недвижно висеть, охват не тот, – важно изрек Санька.

– Ох ты боже ж мой! Вот наделал делов! – дал подзатыльник дед. – Пятую бумагу где повесил, окаянный?

– К дачам пошел. Там ведь тоже могут быть одинокие бабушки. Объявление я повесил на киоске с продуктами возле автобусной остановки. Самое место, – бодро заметил Санька, удивляясь своей смекалке.

– Значит, так! Слухай внимательно, постреленок! Ты сей же час мухой помчишься по тем местам и сорвешь все бумаги, понял? Мухой! Одна нога здесь, другая – там! Мазню свою всю до единой принесешь и отчитаешься передо мной! Марш отседова! – подтолкнул его Афанасий.

– Дед, а трактор где найду? Может, он на поле уехал? – ухмыльнулся внук.

– И такое могёт быть... – почесал затылок дед, – но к нему во двор загляни.

– Ладно. Ну что, я почесал?

– Чеши! Пулей! Чтоб через пятнадцать минут был у Макси!

Санька сорвался так шустро, что на месте, где он стоял, осталась лишь легкая круговерть пыли. Дед даже глаза протер от изумления. Был только что, вдруг – раз, и нету. «Чертеноч, – ласково выругался про себя Афанасий, – теперича нужно до Максима топать. Успокоить его надо, поди, весь на помет извелся от переживаний. Хорошо, что моей старухи нет дома. К дочке с утра пораньше утопала. А то бы не дала для друга постараться, изворчалась бы да дело какое

неотложное придумала для него, чтоб дома сидел». Афанасий, закрыв на щеколду калитку, бодро зашагал к дому Максима.

Прошел целый час. Максим с Афоней успели чаю напиться, поговорить, покурить, а Санька все не прибежал.

– Три штуки аннулированы, – задумчиво изрек дед Максим. – Остальные две, видать, не удастся обнаружить, не то давно бы объявился Санька-то.

– Он за трактором Митяя гонится, наверно. На дачах, думаю, изничтожил. Это труда не требует. Сорвал, и все. А вот тележка на колесах – это проблема! Додумался же, егоза!

– Нонешняя молодежь шибко ушлая. До всего додумается. У их мозги как-то витиевато устроены. Это ж надо догадаться: на бумажках мою мысль отписать. Знаешь, Афанасий, я окончательно отказался от женитьбы. Бес меня попутал. На черта мне старуха вредная к концу жизни, а? Сколь жен Богом допущено, надо на энто согласиться и не рыпаться. Как ты думаешь?

– Не, не согласный я с твоим раскладом. Это когда же тебе Бог успел шепнуть, что, окромя одной супружницы, более не надо? Выходит, ежели женка твоя померла или ушла к другому, так всю жизнь и сиди бобылем, так, што ли? Ты сам посуди, тогда уж на земле жили бы одни вдовцы и вдовы. А кто детей рожать будет? Думай, прежде чем балаболить-то!

– Больно умный ты! Бабка моя Наталья, царствие ей небесное, хорошая была женщина. К старости все об ей думаю.

Ничего, доживу один, мало уж осталось. И не тащи меня женихаться. Будя! Поженихались курям на смех!

– Чё-то не понял тебя, Максим. Кто жениться заставляют? Я, што ли? Кого упреками закидывашь? Сам приперси, мол, помоги, жениться хочу, мочи нет. Теперича в твоих переживаниях я виноват остался. Вот те раз! Хорошо-то как! Два дня с тобой маюся, ни хрена дома не делаю. За эти дни все дрова поколол бы да в дровяник стаскал! А я тут гоношуся из-за тебя!

– Ну и дуй колоть свои дрова. Я ж тебя не звал!

– Приспичит тебе в следующий раз женихаться, ко мне дорогу забудь! Зараз на попятную пошел! По всем другим вопросам подмогну, а со сватовством не суйся больше! – Афанасий обиженно засопел и поднялся с крыльца, намереваясь уйти.

– Ладно, ладно, не бойсь, не сунуть, тоже мне, друг называтси. Дрова колоть ему мешаю! Подумаешь!

Слово за слово, старики прицелились уже всерьез поругаться, но тут с шумом открылась калитка, и камнем влетел Санька. Деды от неожиданности матюгнулись даже.

– Напужал, постреленок! Говори зараз, какие результаты? – Афанасий грозно сдвинул брови.

– Деда, еле трактор нашел. Уж я бежал! Знаешь, где догнал? – запыхавшись, выпалил Санька.

– Ну?!

– У дяди Митяя в ограде!

– Не понял. Чего ж тады бежал-то? Кого догонял? – удивился Афанасий.

– Его и догонял! Он кружил огородами, кружил. В один момент я уж из виду потерял, а его и след простыл. Куда-то заехал и заглох. Я туда-сюда! Потом уж догадался, что к себе заехал. Вот, отодрал объявление. Дядя Митяй даже и не учуял. А оно висит себе, трепыхается, – довольный Санька сунул в руки деда грязную бумажку.

– А где ж ишо одна бумажка, которую ты на дачах прицепил? – грозно спросил дед Максим.

– Не нашел, – понурил голову Санька. – Кто-то сорвал и унес... наверно.

– Язви тебя! – расстроился Максим. – Какая-нибудь старушенция опять припретси и будет домогаться меня, принуждать к сожительству. Ужо как устал я от вредных баб, впору слезы лить от злости и жалости к себе.

– Ладно тебе, Максим, – пожалел друга Афанасий, враз забыв про ссору, – не факт, что старуха какая сорвала бумажку, ребяшня могёт побаловаться. Ты в мозги-то не бери, шибко башка будет болеть опосля. Считай, почти все обьявки-то изничтожены, успокойся и не над-рывай сердце. А ты, постреленок, не подумавши, поперек батьки со своими идеями не лезь. Один вред от тебя! Дуй отседова, пока ремня не попробовал!

Санька сорвался с места и радостно исчез за забором.

– Афанасий, ну я пошел до дому. Перекантуешься дальше один, а? Моя скоро возвернется, для ее одобрения мало-мало дров надо наколоть.

– Иди, конечно, домой. Чего больше тута делать? Все ясно как день. И мне по хозяйству подсуетиться надобно. Совсем с утра подворье забросил.

– Ежели чего, крикни, подмогну, – Афанасий бодро затопал домой.

На деда Максима напало блаженное спокойствие.

– И чего суетюся? Жил себе один и дальше поживу, сколь Бог даст. Хвори ишо не одолели. Время придет, все силы соберу и враз ноги откину, чтоб не мучиться и людей не мучить, – вслух решил старик и пошел в амбар, зерна набрать для курей. Птицы, почуяв обед, с жизнерадостным кудахтаньем последовали за ним.

– Максим! Жив, курилка, али Богу душу уже отдал? – появилась Дарья.

– Тута я, тута. Жив ишо! – бодро ответил дед.

– Я чего пришла-то. Ты ж хотел жениться вроде, вот я и подумала...

– Уже не хочу. Дарья, угомонись!

– Чего так? – удивилась соседка.

– Знаешь, я подумал, ежели наскучит, буду к вам с Гринькой ходить, чаи распивать да о жизни толковать. Когда и вы ко мне заходите, все веселее. Ты согласная?

– А и то! Не будем колготиться на старости лет. Наталья твоя хорошая была женщина, светлая ей память. А ты один, как сыч, не торчи у окошка. Мы с Гринькой завсегда тебе рады, никак больше полвека по соседству живем.

На том и порешили. Так закончился замысел старика Максима, почти не начавшись. И что характерно, все стороны довольны остались. Привычка, будь она неладна.

Кастинг

День выдался сырым и холодным, Витьке Соловьёву казалось, что он будет тянуться вечно. Уже начало лета, а весна никак не кончится. Да к тому же еще и сон приснился глупый, будто он плывет по морю, почему-то в одежке, и кричит по-птичьи, а сверху огромная чайка грозит ему кулаком и говорит Яшкиным голосом, мол, не ори, а то всех рыб распугаешь, и хочет утопить его в воде. Со страху Витька и проснулся. Вот теперь сидит у окна и мается: «К чему бы этот сон? Надо у бабки моей спросить, может, растолкует. В последнее время дела из рук вон плохо идут, ни одна задумка не получается, полоса черная пошла».

Витька решил пойти к бабушке, хотя совсем не хотелось выходить из дома, но надо: она уже третий день просит подправить дверь в сенях. На улице было промозгло и ни души. Даже собаки и те попрятались во дворах. Проходя мимо магазина, парень увидел большое объявление, приклеенное прямо на двери. Он подошел поближе и прочитал следующее: «Кастинг! Кастинг! Кастинг! 22 июня в 10 часов в офисе “Мимозы”. Возраст от 35 до 45 лет, запойным не напрягаться!» Он ничего не понял, что за кастинг и с чем его едят. Загадочная афиша очень заинтриговала его.

– Надо выяснить, – решил парень и дернул дверь, намереваясь все узнать у продавщицы Зойки. Но не тут-то было. Магазин оказался закрыт на выходной. От досады плюнув под ноги, он направился к Яшке.

Тот возлежал на диване в таком же смурном настроении.

– Здорово, Яков! – с порога гаркнул Витька.

– Чё орешь, не глухой, – слабо возмутился Яшка.

– Ты орешь, и я в ответ, – осклабился тот.

– Когда это я на тебя кричал?

– А сегодня ночью! Ладно бы просто орал, а то хотел утопить меня в море, арбалет твою в бедро! Шутка ли? – почесал затылок Витька.

– С похмелья, чё ли? Или головой стукнулся о косяк? – вяло отмахнулся Яша.

– Ладно, это я сон свой рассказал, – ухмыльнулся парень. – Яшка, собирайся, пойдём, покажу тебе одну афишу. Поторапливайся!

– Не, никуда седни не пойду, вишь, за окном день небравый. Даже не уговаривай, – зевнул он. – Лучше подремлю, давление, однако, подскакиват, шибко ко сну клонит, да и Надька не отпустит.

Если Витёк решился на что-то, считай, не отстанет ни за что, прямо вцепится, как клещ энцефалитный в подмышку. Яков знал характер своего друга, поэтому, чуток поворчав, нехотя накинул пиджачок на плечи. Процевив про себя непечатные слова в адрес непрошеного гостя, все же вышел из дома. Он был очень недоволен, что его вывели из угнетенного состояния.

Витька росточком на голову меньше Якова, естественно, и шагал в два раза короче него, потому пришлось ему скакать за другом чуть ли не вприпрыжку. Когда они подошли к магазину, возле объявления толпился народ в лице крикливой тетки Варвары, ехидного старика Фадея и его бабки Гликерии. Тут же ошивался и Витькин сосед Лёха. Они бурно обсуждали написанное. Увидев на скорости приближающихся мужиков, толпа расступилась, пропуская их вперед. Яков старательно прочитал афишу и удивленно развел руками.

– Ясно как ночь, да? – угодливо хихикнул Витька, понимая свою вину, что вырвал друга из теплого дома.

– Офис «Мимозы»... Там вроде Валька Галактионова обосновалась на днях, – промолвил задумчиво Яша.

– Да знаем мы, что барыня наша, помещица, – новоявленный класс буржуев недобитых – контору захватила, – прошамкал старик Фадей.

– Ругаисси опять, што ли? – укоризненно посмотрела на него бабка Гликерия. – Чего тебе она изделала, што ты плюесси на нее? Вот магазин открыла, и где б мы с тобой сахару да лапши брали?

– Гусударство должно об нас, стариках, заботиться, а не купчиха! Мало мы их в семнадцатом давили, глянь, опять энта гидра голову подымат. Везде хозяева жизни образовались, как нарыв в срамном месте, – пробурчал старик, – ужо двадцать первый век подперло.

– И где твое гусударство? Чего такое оно изделало для нас? – прошипела старуха, видимо, продолжая нескончаемый спор с дедом. – И не наговаривай на себя напраслину, в семнадцатом годе тебя ишо в утробе матери не було!

– Короче, дуйте послезавтрева в «Мимозу», – громогласно оборвала стариков тетка Варвара, обращаясь к мужикам, – возраст у вас подходявый! Только вот для чего?

– Как для чаго? Кастинговать их будуть, – ухмыльнулся дед Фадей.

– Как эта? – полюбопытствовала бабка.

– Значение слова узнать бы, тогда все станет понятно, – солидно промолвил Яков.

– В том-то и дело, – заволновался Витёк. – Непонятно же, арбалет твою в бедро!

– А чё ж тута непонятного? – погладил бороденку старик. – Оченно все понятно.

– Поясни тады! – проорала Варвара над ухом старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.